
Социальные индикаторы — что это такое?

Ф.М. БОРОДКИН

Измерение — неперенный атрибут любой деятельности и любых действий людей в обыденной жизни и в научных исследованиях. В быту мы редко задумываемся над основаниями и техникой измерений. На вопросы социологов: у кого и чего больше (меньше) было (будет), насколько удовлетворенность чем-то выше (ниже), насколько здесь лучше (хуже), чем там, счастливее (несчастнее) теперь (раньше), здесь, чем в ином месте — отвечают практически все. Исследователи во всех сферах жизни общества измеряют все, что поддается измерению, публикации изобилуют цифрами. Но как, с помощью чего, на каких фундаментальных основаниях производятся все эти измерения и сравнения — об этом задумываются немногие, публикации на такие темы редки.

Как быть с результатами подобных измерений? Можно ли их перепроверять? Можно ли доверять утверждениям политиков, чиновников, исследователей, что чего-то стало (или станет) больше (или меньше)? Эти вопросы надо ставить, искать на них ответы, понимая, что основания, процедуры и результаты измерения связаны с характером общества, социального устройства и, значит, во времени будут меняться, и правильными и справедливыми их нельзя будет назвать никогда.

Все эти вопросы и проблемы, связанные с ответами на них, играют особенно большую роль в современной России. Жизнь россиян сейчас заполнена обещаниями, угрозами, прогнозами, потоками аналитических материалов.

Лавинообразный поток оценок имеет вполне понятное и естественное происхождение — огромная часть населения нуждается в ориентирах в нашем новом социально-экономическом и совершенно дремучем и диком лесу. Все в России приходится мерить заново, новыми способами, на новых основаниях. Но этот же момент всеобщего замешательства можно и надо использовать для того, чтобы измерения попытаться перевести на максимально возможную методически чистую платформу.

В статье в сжатом изложении представлен материал учебника для вузов «Социальные индикаторы», который готовится к печати в Издательстве ГУ—ВШЭ.

1. Как появились социальные индикаторы

Среди специалистов в области социальных индикаторов нет единого представления о том, каким было начало социальных индикаторов. Некоторые считают, что первыми были публикации по социальной статистике, возраст которой — более 400 лет. Другие склонны относить рождение движения в сторону социальных индикаторов к дате издания первого социального доклада, подго-

Социальные индикаторы — что это такое?

товленного итальянским психологом и социологом (первоначально — врачом) *Niceforo*, автором книги по «измерению жизни» и первого социального доклада (начало XX в.).

В начале 1960-х годов Национальная академия наук США выполняла заказ Национального комитета по аэро- и космической навигации (NASA), который интересовался возможными (в том числе и отдаленными) последствиями реализации космической программы для США. В работе группы, возглавлявшейся социологом Р. Бауэром (R.A. Bauer), выявились серьезные затруднения из-за нехватки социальной информации. Результатом их работы был специальный доклад, а в 1966 г. под редакцией Бауэра была издана обширная монография «*Social Indicators*», способствовавшая быстрому распространению увлечения социальными индикаторами во всем мире. Это увлечение получило название «движения за социальные индикаторы».

В те же годы последовало множество других публикаций по социальным счетам, в которых предпринимались попытки расширить методологию анализа типа «затраты-прибыль», уже хорошо известных и методологически проработанных в Национальных счетах производства и доходов, за пределы чисто экономических вычислений в рыночном аспекте. Тогда же в администрации президента Джонсона появился новый Социальный комитет советников, составивший конкуренцию Экономическому комитету советников и претендовавший на столь же серьезную роль в администрации президента.

Результатом всего этого в 1970-е годы стало учреждение Центра социальных исследований по координации работы с социальными индикаторами (Social Science Research Council Center for Coordination of Research on Social Indicators), публикация федеральным правительством обширных данных в форме социальных индикаторов, поддержка исследований в этом направлении. Начал выходить специальный журнал «*Social Indicators Research*», социальные индикаторы были приняты в качестве аналитического инструмента международными организациями, такими, как ООН и OECD. В 1980-е годы финансирование этих работ в США несколько сократилось из-за ограничений правительственных издержек и некоторого разочарования политиков, рассчитывавших получить от использования социальных индикаторов больше выгоды. Разочарование, как отмечают исследователи, было в значительной степени следствием упрощенного подхода к социальному анализу участников движения за социальные индикаторы, особенно в попытках применения причинного анализа.

Однако примерно в это же время и несколько позднее социальные индикаторы стали широко использоваться в Великобритании и Германии.

Примерно в те же 1960—1970-е годы похожий процесс происходил и в СССР. Сугубо ресурсное отношение к гражданам страны со стороны государства и его аппарата при попытках тотального регулирования на основе априорных моделей и представлений заводило экономику в предвидимый тупик монополизма. Ощущение близости этого тупика у многих исследователей и практиков появилось задолго до краха самой системы, в начале 1960-х годов, т. е. в период так называемой оттепели. Однако из-за продолжающегося господства марксистской идеологии в странах с коммунистическим режимом развивалось сравнительно идеологически безопасное социальное планирование. Первые же работы, опубликованные в этом направлении, отчетливо располагались в рамках движения за социальные индикаторы [*Тоценко* 1971], [*Лапин* и др. 1975]. Так же как и

американские социологи, советские специалисты говорили об ограниченности подхода к целеполаганию и анализу проблем развития социума и его подсистем на основе знания только экономических характеристик ситуации. Внешне сохраняя марксистские позиции, провозглашая классовый конфликтный подход, советские социологи тем не менее, ведая об этом или не ведая, с некоторым запозданием шли по следам или рядом со следами уже опубликованных теоретических работ, докладов и отчетов¹. Отличие советского пути от американского заключалось в том, что в СССР инициаторами движения оказались заводские социологи как подвергавшиеся наименьшему идеологическому давлению.

Первые шаги в социальном планировании были сделаны на пермском телефонном заводе и на ленинградском объединении «Светлана» [Ланин и др. 1975]. В конце 1960 — начале 1970-х годов социальное планирование распространилось по стране и охватило все производственные и территориальные уровни — от первичных производственных коллективов до министерств и общенациональных ведомств, от поселков до страны в целом. Социальное планирование в течение нескольких лет стало обязательной процедурой государственной службы. Однако в середине 1980-х годов это увлечение начало постепенно стихать, а в России (в постсоветский период) социальное планирование вообще исчезло.

Социальные индикаторы превратились в объект рутинной планово-статистической деятельности во всем цивилизованном мире. Некоторый всплеск активности в новой деятельности произошел в том же направлении — в поиске и освоении возможностей анализа обобщающих характеристик социальных ситуаций национального и субнационального (регионального) масштабов. Появилось большое семейство индикаторов (индексов) «человеческого развития» или — сокращенно — ИЧР², включающее в себя разнообразные индикаторы здоровья нации, развития образования, демографические и другие социальные характеристики. В западных странах на эту тему опубликовано много как академических, так и технико-методических работ³. В эту работу включились и международные неправительственные организации ООН, ЮНЕСКО, ОЭСД и научное сообщество России. Сейчас в России выходит публикация за публикацией под флагом человеческого развития и по ИЧР⁴. Термин «социальные индикаторы» в последние годы вошел и в публикации Госкомстата России⁵.

2. Основания развития

В современном социальном мире можно отметить коренные изменения в четырех областях:

¹ Обзор развития теории и практики социального планирования в развитых капиталистических странах (правда, с соответствующими идеологическими оценками) можно найти в книге [Тоценко 1971].

² Human Development Index — HDI.

³ Так, только в сети ИНТЕРНЕТ по этой теме насчитывается около 1 млн англоязычных документов.

⁴ В сети ИНТЕРНЕТ отмечено уже около 4 тыс. документов о человеческом развитии на русском языке.

⁵ См., например: [Социальные индикаторы доходов и уровня жизни населения <http://www.iet.ru/trend/2001/22.htm>].

в технологиях;
в производстве;
в экономике;
в социальной сфере.

Во-первых, в последние 50—60 лет изменилась технология всех процессов хранения, передачи, переработки информации. Появились и получили мощное развитие информационные технологии. Они стремительно и мощно проникли даже в быт. Одновременно и благодаря этому меняется вся система коммуникаций. Мир накануне революции и в энергетической технологии.

Во-вторых, неузнаваемо изменилась материальная основа всего, что производится, организация самого производства, его распределение по земному шару. Например, кухни, продаваемые в Москве сетью магазинов ИКЕА, производятся формально шведской корпорацией, интегрируются на складе в Польше, закладные детали для них изготавливаются чуть ли не в десятке разных стран мира, некоторые деревянные части делаются в Финляндии, некоторые — в России, предметы комплектуются по заказу покупателя из любой страны, где торгует эта фирма.

В-третьих, во всех промышленно развитых странах произошла переориентация социально-экономических систем.

Последние примерно двести лет прошли под знаком борьбы моделей развития социума, которые размещались между двумя предельными по характеру, крайними — социо-анархистской и социо-монархистской.

Социо-анархистская модель не признает никакого постороннего контроля, кроме договора в чисто рыночном обмене, регулируемом исключительно конкуренцией при условии отсутствия каких-либо монополий.

Социо-монархистская модель имеет в виду полный контроль над производством и централизованное распределение всех без исключения благ.

Конечно, эти модели разрабатывались в чистой теории. Социальная практика пыталась реализовать, с одной стороны, так называемую либеральную модель, минимизирующую вмешательство в социально-экономическую жизнь любого агента, угрожающего монополизмом. С другой стороны, предпринималась попытка реализации социальной модели, устанавливающей «справедливое» централизованное распределение всего, что только можно распределять. Где-то ближе к центру расположилась модель ограниченного вмешательства в распределение благ агента, которому такое вмешательство вменяется через специальные доверительные процедуры.

Человечество «попробовало» реализовать модели почти по всей оси, от крайнего либерализма до крайне государственной и даже личной «социально справедливой» диктатуры.

Крайне социо-монархистское направление воплотилось в жизнь в форме фашистских и коммунистических режимов, крайне либеральная модель опробовалась в США.

Социо-монархистская модель была полностью дискредитирована сначала в странах с фашистским, а затем и в странах с коммунистическим режимом. Этот опыт оказался для человечества трагичным и дорогим.

В точном соответствии с либеральной моделью все, что может производить какую-либо выгоду, нечто покрывающее и оправдывающее затраты, должно иметь

возможность превращаться в производящий капитал⁶. На основе этого соображения родились модели и теории капитализации свойств индивидов, институтов, сетей отношений, а также концепции их измерения. Постепенно формировался так называемый «экономический империализм», ставящий все на службу эффективности экономики, рынку. Он имел хорошие исторические основания, утверждая, что основой благополучия может быть только развитая экономика. Это направление сегодня продолжает экспансию на территории, где пока что еще не ясны возможности определения экономических эффектов.

Наконец, парадигмы центральной части этой оси воплощаются во многих европейских странах (Скандинавские страны, ФРГ, Италия, Франция и другие), в Канаде. В эту сторону направилось и развитие США. На протяжении примерно 25—75 лет страны как бы дрейфуют вокруг центральных парадигм, приспособивая к этому дрейфу и практику, и теорию социального наблюдения.

В-четвертых, социальная сфера вышла далеко за границы, которые ей определялись, скажем, даже лет двадцать назад. Во всем мире социальная сфера связывалась главным образом с идеей помощи пожилым людям, детям, больным, немощным, попавшим в несчастье из-за стихийных бедствий или из-за какого-то иного происшествия, бедным в основном из-за потери источника дохода и т. п. Примерно в течение последних 25 лет окончательно сформировалось представление о необходимости борьбы с так называемой социальной эксклюзией, под которой понимаются ситуации, когда люди не имеют возможности реализовать свои права, гарантированные им законами своей страны и международными соглашениями и договорами. Это резко изменило представление вообще о социальных правах граждан. Например, даже десять лет назад никому из российских граждан и в голову не пришло бы потребовать возмещения вреда, причиненного террористами в результате нападения, не от нападавших, а от правительства как не выполнившего взятые на себя обязательства обеспечивать безопасность граждан, используя собираемые с них налоги. В социальную сферу начинает включаться вся жизнь человека.

В таких измененных условиях ни в мире, ни в России прежние системы статистических показателей, работавшие на протяжении прошлого столетия, не могут удовлетворять нужды управления территориями на всех уровнях, производством и реализацией товаров и услуг, не удовлетворяют потребности исследователей. Встали вопросы о том, как и что можно и нужно наблюдать в этих изменившихся условиях, что публиковать, что и как ставить под общественный контроль, о котором ранее не очень задумывались.

Этим обозначился новый этап развития статистики, который можно назвать этапом организации социального наблюдения, социального мониторинга, одним из основных инструментов которого становятся социальные индикаторы.

3. Социальные индикаторы: начальные требования

В литературе можно обнаружить множество различных описаний социальных индикаторов как таковых. Часть описаний из-за своего стиля воспринимается как определения. Таких описаний насчитывается более двух десятков.

⁶ Разумеется, при соблюдении определенных правил в действиях и взаимодействиях, правил, фиксируемых в законах и нормах, в социальных институтах.

Социальные индикаторы — что это такое?

Хотя возраст этих определений довольно велик — почти тридцать лет — современные определения в смысле точности и строгости очень похожи на этих «старичков». Вот один из типичных примеров такого современного описания: *«Индикаторы— частичное отражение реальности, основанное на неопределенных и несовершенных моделях. Мы нуждаемся во множестве индикаторов, потому что у нас много целей— но многие цели могут пересекаться и выводить за пределы нации и культуры, а поэтому могут быть и пересекающиеся индикаторы. Мы нуждаемся во множестве индикаторов, потому что у нас разные мировоззрения, а индикаторы помогут сблизить их. Индикаторы не обязательно должны быть совершенно объективными, и на самом деле лишь немногие из них таковы. Несмотря на трудности и неопределенность мы не можем управлять без индикаторов»* [Indicators and Information Systems for Sustainable Development. <http://www.nssd.net/pdf/Donella.pdf>].

К сожалению, русскоязычные авторы не углубляются в такие тонкости или, во всяком случае, не видят большой разницы между понятиями «показатель» и «индикатор» и потому не считают нужным обсуждать проблему определения. Нам же эта проблема представляется серьезной, требующей внимания, хотя, конечно, не надо настаивать на том, чтобы немедленно выработать такое хорошее и бесспорное определение. Тем не менее некое промежуточное определение понятия «социальный индикатор» мы дадим. Пытаться формулировать такие определения и постепенно их улучшать необходимо, так как это помогает осмыслить информацию и те операции, которые производятся с нею.

Определение должно отвечать следующим требованиям.

1. Оно должно давать основание для проверки строгости (правильности) операционализации (перевода, превращения) соответствующих элементов концепции (теории) в измеряемую переменную. При этом под строгостью понимается наличие таких формальных правил операционализации, которые позволяют ее повторение любым специалистом, т. е. — *воспроизводимость* результата операционализации.

2. Определение должно быть связано с допустимыми действиями над индикатором и с возможностями интерпретации результатов измерения.

3. Определение должно связывать этот (социальный) класс индикаторов с социальной сферой (социальными ситуациями).

Простейшее определение социального индикатора может быть таким:

Социальный индикатор есть показатель, необходимый для диагноза состояния благополучия (благополучия) или неблагополучия в той или иной части социума и в социуме в целом.

Это определение, как видно, не содержит в себе ничего, что как-то выделяло бы социальный индикатор из среды социальных показателей определенного круга. Действительно, любая характеристика социально-экономической ситуации может быть применена для диагностики состояния благополучия, и с этой позиции может оказаться и необходимой, если не настаивать на том, что такой характеристикой должен быть сам показатель, используемый как единственный.

Пример 1. Если мы обратимся к показателю смертности населения и его динамике, то сравнительно плавные изменения этого показателя во времени, даже его рост, не могут сами по себе вызывать каких-либо тревог. Но стоит нам столкнуться с быстрым и монотонным ростом смертности во времени, как этот показатель начнет претендовать на содержательное описание ситуации, вызвавшей

такие изменения, заставит сформулировать первые предположения, которые надо будет проверять с привлечением других показателей. Этот очень простой показатель в таком случае вполне отвечает приведенному выше определению социального индикатора или, по крайней мере, претендует на такое звание.

Пример 2. Кажется, что индекс текущих розничных цен должен отвечать требованиям, предъявляемым к социальному индикатору. Но это неверно, так как для получения каких-либо осмысленных интерпретаций индекса мы должны иметь либо временной ряд таких измерений, либо индексы по нескольким регионам или крупным поселениям, да еще отследить соблюдение дополнительных условий. Во-первых, регионы должны принадлежать к одной валютной зоне. Во-вторых, должна соблюдаться строго стандартная и одинаковая методология сбора данных и исчисления индекса во времени по регионам, и эта стандартность должна быть явно описана, а не просто объявлена, декларирована.

Пример 3. Во многих случаях такие показатели, как валовой внутренний продукт, валовой национальный продукт, валовой национальный доход, рассматриваются как репрезентирующие уровень благосостояния. Однако ни их величина, ни их относительные изменения во времени и/или по регионам не могут характеризовать благосостояние, хотя представляется, что они могут иметь отношение как к экономической, так и к социальной активности населения.

Пока отметим, что для содержательной интерпретации таких показателей, как смертность, рождаемость, индексы цен, мы должны иметь дело со множеством их значений либо в последовательные периоды времени, либо по многим регионам в одни и те же периоды времени.

Это означает, что социальной характеристикой могут быть определенные множества значений подобных показателей, а не они сами по себе и не их отдельные величины.

Отсюда как будто бы следует, что соответствующее использование любого статистического показателя в описании социальной сферы и/или ее проблем превращает этот показатель в социальный индикатор. Если это так, то нет смысла искать определение понятия «социальный индикатор». Надо только очертить сферы применения показателей и уметь идентифицировать их принадлежность к таким сферам. Главную роль в таком случае играет не структура и сущность показателя, а сфера его использования. Тогда все внимание надо бы сосредоточить на понятии «социальная сфера», чтобы определить ее границы, отделяющие социальный мир от несоциального. Этот шаг представляется почти тривиальным — любая сфера мира, любой отрезок действительности становится социальным, как только в нем (на нем) появляется деятельность одного или нескольких людей или как только могут быть фиксированы какие-то события в качестве результатов деятельности людей.

С таким подходом вполне можно согласиться. Но он остается пока что слишком общим, абстрактным, универсальным. Поэтому мы предпримем попытку найти и сформулировать некоторые требования к показателям, по отношению к которым в публикациях уже принято название «социальные индикаторы». Мы выделим те главные предметы, которые сосредоточивают на себе внимание в измерении социальных индикаторов.

Однако конкретных показателей с названием «социальный индикатор» такое количество и они так разнообразны, что говорить о них вообще, абстрактно

Социальные индикаторы — что это такое?

практически не имеет смысла, а перечислять и анализировать конкретные показатели невозможно.

Это множество не бесструктурное, и сама его структура вполне осмысленна, продиктована практикой применения, использования, исходной информационной базой, технологией построения и спецификой результатов. Структура множества индикаторов по этим основаниям поможет найти более или менее подходящее определение и будет способствовать лучшему практическому использованию индикаторов.

4. Центральные опоры определения

Пожалуй, всеми признается, что благополучие людей и его изменения являются главными предметами социального наблюдения с помощью индикаторов.

Все сферы мира, а не просто сферы человеческой деятельности, подозреваемые в наличии связей с благополучием, в позитивном или негативном влиянии на его динамику, содержат объекты, характеристики которых измеряются с помощью социальных индикаторов. При этом речь идет всегда о благополучии не конкретного отдельного индивида, но групп индивидов. Такое объединение необходимо для выработки мероприятий по исправлению плохого положения или обобщения полезного опыта, для профилактики и принятия мер.

Очевидно, что никакое общество пока что не располагает богатством, которое позволило бы заботиться о благополучии каждого отдельного человека за счет средств социума, т. е., в настоящее время, — за счет налогоплательщиков. Определенная ограниченность инструментов, средств требует как учета самих средств, так и оценки потребностей в них и затрат на способы, аппарат их распределения, мониторинг и т. п. Отсюда и возникает потребность в соответствующих измерениях и соизмерениях и в инструментах для этого, инструментах достаточно ясных, дешевых и эффективных.

Даже поверхностное беглое знакомство с перечнями социальных индикаторов, принятых в учете и публикациях стран Северной Америки, Западной Европы, и определениями индикаторов выявляет следующие их характерные особенности.

Разнообразие и количество предметов внимания бесконечно. Мы будем иметь дело только с теми событиями, ситуациями, фактами, отношениями, которые так или иначе влияют на благополучие людей или на оценку благополучия.

Но все же нетрудно заметить особенности в группировании предметов.

В центре внимания всегда оказывается множество *характеристик благополучия*. Выделяется два относительно условных типа характеристик благополучия: *объективные* и *субъективные*⁷.

Объективные характеристики таковы, что они могут быть зафиксированы и измерены как бы со стороны, с помощью заданных и одинаковых для любого частного случая инструментов.

Любой специально подготовленный и добросовестный специалист или группа специалистов будут получать одни и те же результаты измерения в пределах

⁷ Andrew Sharp называет эти типы индикаторов «normative welfare indicators» и «life satisfaction indicators» соответственно [Sharpe 1999, с. 7].

известных ошибок и естественных разбросов значений характеристик. Примеры таких характеристик: налогооблагаемые декларируемые суммы доходов, состояние окружающей среды, наличие питьевой воды, обеспеченность коммунальными удобствами, жильем различной комфортности, общественным транспортом, наличие средств массовой информации, уровень потребления разных продуктов питания, грамотность населения и отдельных групп населения, заболеваемость, в том числе и так называемыми социальными болезнями (СПИД, венерические заболевания, туберкулез), криминализация общества, распространенность наркомании, уровень бездомности, доля беспризорных детей, распространенность социального сиротства, уровень тяжелой инвалидизации, включая детскую, и т. д.

Субъективные характеристики благополучия оцениваются, измеряются собственно индивидами, субъектами благополучия.

В отличие от объективных субъективные характеристики не могут быть оценены сторонними наблюдателями или какими-то способами, инструментами (например, анкетами), которые гарантированно с некоторой ошибкой и известным разбросом дадут один и тот же результат измерения такой характеристики одного и того же индивида или группы индивидов. Результат измерения в таких случаях в значительной степени, а иногда и полностью зависит от характера взаимодействия условий измерения и объекта измерения.

В подобных ситуациях объект измерения (индивид или группа как единый объект) как бы раздваивается. Одна часть становится информантом, а вторая часть того же целого — носителем информации и ее создателем. Примеры таких характеристик: удовлетворенность местом работы, характером труда, оценка собственных потребностей и уровня их удовлетворенности во многих сферах, ощущение стабильности социальной среды, уверенности в собственном и социальном будущем, уровень доверия к различным элементам общества, ощущение консистентности собственного социального статуса, оценка собственного физического и психического здоровья, оценка окружающей среды, в том числе социальной, ощущение личной и социальной безопасности и другие.

Каждая из таких характеристик, связанная с ощущением удовлетворенности, представляет собой некую шкалу оценок. Такие оценки выражают недовольство, неудовлетворенность, опасения, ощущения беды и т. п.

Многие из этих характеристик субъективными названы не потому, что они будто не существуют и не действуют объективно, отдельно и независимо от того, с кем они связаны. Их присутствие регистрируется и действие результативно. Известно, что определенное психологическое состояние людей может обрушить рынок и, как следствие, — нанести огромный ущерб экономике. Оценка своего состояния не только одним человеком, но и большими группами как социально бедственного может иметь причиной и основанием так называемую относительную депривацию, т. е. в значительной степени ощущение, но не объективное существование ситуации социальной эксклюзии. Массовое ощущение беды, массовая оценка своего состояния как состояния беды действует не менее реально на умы и поведение, чем объективное бедствие.

Ввиду этого и субъективные оценки происходящего и оценки субъективного состояния указывают на формирование ситуации, которая может оцениваться и как источник благ и как источник бед.

Заметим, что граница между объективными и субъективными характеристиками не так уж резка, заметна, как кажется на первый взгляд.

Социальные индикаторы — что это такое?

В одних случаях позитивные и негативные характеристики вполне четко разделены. В то же время понятно, что есть и такие вполне объективно регистрируемые, измеряемые характеристики благополучия, которые в одних условиях расцениваются как позитивные, а в других — как негативные, хотя их интенсивность и будет одной и той же, и разные измерения дадут одинаковый результат. Например, наличие очень богатых в относительно богатом обществе — вполне позитивное явление, а в очень бедном обществе — негативное, так как в бедном обществе оно повышает социальную напряженность из-за большой социальной дифференциации.

Таким образом, общее изменение благополучия может происходить как за счет позитивной, так и за счет негативной части структуры благополучия. В состав благополучия входят и элементы, оценка роли которых как позитивной или негативной не может быть однозначной. Они играют позитивную роль в одном сочетании и негативную — в другом. При этом не всегда можно и имеет смысл, а иногда и просто нельзя говорить об интегральной характеристике благополучия в целом. В некоторых опросах даже панельного типа респондентам задается вопрос об испытываемом ими чувстве *общей удовлетворенности* жизнью, строится даже «индикатор счастья». Но это делается в надежде, что сам респондент проделает труд по формированию соответствующей концепции и созданию инструмента измерения, и сам же произведет такое измерение. Результат такой сложной, скрытой и сугубо сложной работы не может вызывать доверия.

Тем не менее каждая конкретная ситуация, отдельное событие, уже случившееся или предстоящее, с позиций достижения целей, тактических или стратегических, сиюминутных или отстоящих на большое время впереди, в восприятии людей обычно выступает как благоприятное, неблагоприятное, либо нейтральное или неопределенное. Восприятие может соответствовать, а может и не соответствовать действительному качеству ситуации. Но мы не будем здесь втягиваться в тонкие психологические и философские обсуждения проблемы объективного и субъективного, факта и его оценки. Отметим лишь, что неблагоприятные ситуации и события расцениваются людьми как *беды*, а благоприятные — как *блага*.

Для людей в высшей степени естественно избегать всего, что им грозит бедой, несчастьем, бедствием, ухудшением ситуации, и искать блага и благоприятных событий для себя, своих близких, родных, для других людей. Насколько далеко простирается такая боязнь беды и стремление к благу за пределы своего времени и своей социальной группы, зависит от многих личных и социальных условий и характеристик. Но нам представляется вполне оправданным и правильным стремление людей и попытки узнать как можно больше о возможных бедах и благах, жизненно важным и нужным — умение оценивать текущие, прошедшие и возможные будущие ситуации именно с этих позиций.

Отсюда возникает и одно из главных требований к социальным индикаторам:

Социальные индикаторы должны быть связаны достаточно ясно с социальными благами и социальными бедами, которые могут быть зафиксированы объективно либо как всеми признаваемые факты, либо как всеобщие оценки и отношения.

В случае событий, всеми признаваемых как факты, мы имеем дело с объек-

тивными характеристиками. Они могут измеряться способами, вполне независимыми от событий и носителей информации.

Измерение субъективных характеристик, его результат, зависит от людей, которые производят эти измерения.

Тем не менее, состояния как результат социального наблюдения могут и должны фиксироваться вполне объективно, поскольку это делается либо автоматически каким-то инструментом, либо механически лицом, проводящим наблюдение.

Таким образом, в качестве опор определения понятия «социальный индикатор» мы устанавливаем:

элементы благополучия в форме социальных благ и социальных бед;
способ их измерения.

5. Социальные блага

Прежде чем напомнить о классическом для экономистов понятии блага, задержим внимание на этимологии слов «благо» и «беда». Знание их происхождения нам пригодится очень скоро, так как при любом даже математически строгом и физически проверяемом определении все слова, употребляемые нами, не просто имеют какие-то исторические аналогии, но и настраивают на скрытый метафизический смысл. Этот смысл скрыт в нашем подсознании в форме обозначений стереотипов и даже архетипов. Поэтому подобные исторические «намекы» лучше иметь перед глазами и учитывать их при использовании слов в качестве более или менее строгих или хотя бы конвенционально определенных терминов и выражений.

Итак, «благо».

«Благо — то, что дает достаток, благополучие, удовлетворяет потребности» [Ожегов 1960, с. 47].

Это слово входит как составная часть в большое количество сложных слов (типа «благополучие», «благост», «благодарность» и т. д.) и везде имеет совершенно явный позитивный оттенок, окрашено теплой интонацией. Слово это старославянского происхождения, существительное «благо» произошло от прилагательного «благо», которое означало нечто хорошее [Шанский и др. 1975, с. 47].

Антоним слова «благо» — «зло». «Зло — нечто дурное, вредное, беда, несчастье, неприятность» [Ожегов 1960, с. 226].

Попутно отметим, что беда — лишь один из антонимов блага. Интересно, что термин «благосостояние» в русском языке появился сравнительно недавно — лишь во второй половине XVIII в.

Экономисты, употребляя термин «благо», имеют в виду всегда его множественную форму, «блага», понимая под ними «любые материальные экономические продукты, которые способствуют прямо или косвенно удовлетворению человеческих потребностей» [Collins 1998, с. 40].

В последние годы блага трактуются не обязательно как исключительно материальные продукты, но фактически почти всегда — как товары. В современном русскоязычном употреблении этот термин сделался калькой английского термина «goods», одно из значений которого — «товары». Русские интерпретации (версии, переводы) этого термина следуют его развитию в английском варианте.

Социальные индикаторы — что это такое?

Так, словосочетание «social goods» нашло свое отражение в термине «социальные блага», хотя и не совсем точно.

В английском языке появилось словосочетание «merchandised (non-merchandised) goods». На русский это выражение надо переводить как «товаризованные (нетоваризованные)» блага, т. е. блага, имеющие рыночную оценку или не имеющие ее, т. е. не являющиеся товарами. В первом случае они могут быть (а могут и не быть) рыночными товарами, во втором случае это не товары вообще, т. е. обязательно нерыночные блага [Collins 1998, с. 40]. Но, стремясь к логичности, последовательности, мы должны будем понимать благосостояние не обязательно как нечто, привязанное к удовлетворению материальных потребностей или любых потребностей, не обязательно материальными продуктами. Например, существуют потребности в информации. Такие потребности вполне могут удовлетворяться передачей слухов и вообще слов изустно, без какого-либо материального носителя, отличного от другого индивида, только сотрясанием воздуха, вербально. В таких случаях блага принимают нематериальную форму и удовлетворяют нематериальную потребность. И тем не менее эти блага вполне могут быть благами товарного типа, т. е. иметь рыночную цену⁸.

Кроме того, принято различать индивидуальные (частные), социальные, коллективные и публичные⁹ (государственные) блага. Это соответственно блага, предназначенные для индивидуального, социального, коллективного, общенационального потребления, навязываемые (обязательные для потребления) и ненавязываемые (не обязательные для потребления) блага.

И производить, и потреблять любые блага могут одни и те же индивиды или группы, сообщества. Соответственно и благосостояние не обязательно представляет собой нечто материальное или оценку каких-то материальных субстратов, либо уровня удовлетворения материальных потребностей.

Итак, блага— некий материальный или нематериальный субстрат, призванный удовлетворять какие-то материальные или нематериальные потребности индивидов или групп индивидов либо создавать для этого условия.

В то же время в литературе фигурируют и «блага», нежелательные для потребления, имеющие в этом смысле негативный оттенок¹⁰.

Однако и относительно формы, способа удовлетворения любой потребности встают серьезные вопросы, ждущие более или менее ясного и разумного ответа. Не все способы (формы) удовлетворения потребностей признаются обществом «правильными», «хорошими», легитимными и даже политически корректными и социально справедливыми. Например, приобретение и потребление ворованного, украденного не одобряется. Встречает отпор потребление благ, произведенных рабским трудом. Не все потребности расцениваются как такие, удовлетво-

⁸ Пример — любой платный концерт или оплачиваемое выступление, лекция.

⁹ Публичные блага иногда отождествляют с социальными благами, противопоставляя их индивидуальным в частном потреблении.

¹⁰ «Слово "благо" имеет положительный оттенок. Однако публичное благо (впрочем, как и частное) может быть и отрицательным, нежелательным для потребления. Например, загрязненный воздух. Другие общественные блага могут быть положительными (желательными) для одних и отрицательными для других. Пример — развал СССР» [Макаров 1970]. К сожалению, неопределенность терминов, понятий преследует нас всю жизнь и везде, нам с этим придется мириться, требуя строгости лишь в отдельных случаях.

рение которых повышает благосостояние. Например, такова потребность в наркотиках у больных наркоманией. Отрицательно оценивается пристрастие к алкоголю и курению.

Таких потребностей немало. Подобные товары — материальные либо нематериальные (услуги) — в этих случаях уже нельзя, неуместно ни считать, ни называть *благами*. Наоборот, можно сказать, что удовлетворение потребностей такого рода или в таких формах ведет к падению благосостояния. Но если такие субстраты — не блага, то что это такое? В какой форме, как можно оценить изменение, уровень таких потребностей, их удовлетворение, изготовление, доставку, продажу соответствующих субстратов?

Есть и другие подобные вопросы. Несомненно, наличие автомашины в домохозяйстве (в семье) является признаком роста ее благополучия, приобретение автомашины надо оценивать как рост благосостояния. С этим все согласятся, когда речь идет о приобретении автомобиля именно ими. А если автомобиль купили многие соседи и ставят эти автомобили под окна тем, кто их по какой-то причине не приобрел? А если, более того, эти автомобили по утрам заводятся под окнами, а затем огромными массами выезжают на улицы и загрязняют воздух выхлопами? Чем же тогда оборачиваются блага одних, купивших автомобили, по отношению к тем, кто их не купил? Да и по отношению к владельцам, по каким-то причинам вынужденным путешествовать по улицам пешком? Получается, что потребление одними каких-то благ заставляет других потреблять некие вредные отходы потребления своих благ первыми. Но эти субстанции явно не назовешь благами. То же самое относится к любому загрязнению, которое ухудшает состояние среды обитания, и просто к ухудшению состояния окружающей среды, к любому потреблению, портящему условия чьего-то существования.

Сделаем еще один шаг. Безработица в некоторых пределах, как пишется в любом из учебников по экономике, представляет собой не только необходимый компонент нормальной экономики, но и определенный стимул к дисциплинированной работе. Этот стимул помогает формированию и положительной трудовой мотивации. Но безработица — определенное и совсем нежелательное состояние конкретных людей. Она оставляет их без достаточных средств существования, без средств для приобретения благ, поддержания потребления на некотором желательном уровне, многих угнетает психологически. Тогда в качестве какого субстрата, явления можно оценить безработицу даже в том случае, когда она на некоем допустимом (даже полезном) для общества уровне? Это благо? Для кого? Может быть, для общества в целом. А что это такое для семей безработных, не располагающих необходимыми страховочными ресурсами?

И еще шаг — преступность, скажем, тяжкая против личности. Как оценить гибель одних людей от руки других? Когда убивает государство, такие действия часто не рассматриваются как нарушение закона. Когда один человек или группа людей убивают другого человека из хулиганских побуждений, ради корысти или по другим похожим мотивам, практически все расценивают такие убийства резко отрицательно, как незаконные. В соответствии с законами убийство — преступление против личности и в том случае, если оно — месть за другого пострадавшего. Как расценивать рост или падение количества убийств на душу населения? Понятно, что обстановка в той стране комфортнее для жизни массы населения, где меньше количество любых убийств.

Социальные индикаторы — что это такое?

Следующая задача может показаться поначалу странной — сравнение выгод и потерь региона (страны) от роста (падения) среднего душевого дохода и от количества убийств на 100 тыс. населения. В первом случае мы вправе уверенно говорить о благе (именно им и является душевой доход), если этот рост не сопровождается превосходящей его инфляцией. А во втором — о чем?

Никто не станет спорить против утверждения о том, что доверие друг другу — благо. Доверие — некий социальный клей, цементирующий отношения. А если речь идет, например, о группе торговцев наркотиками или о группе «бригитоловых», скинхедов, организованно нападающих на неугодных им иностранцев? Их внутрigrупповые отношения ведь тоже основаны на взаимном доверии. Как оценивать это доверие? Также как благо?

Наконец, как оценивать ситуацию в стране, регионе, поселении, в котором одновременно растет средний душевой доход, его дифференциация, безработица и преступность против личности?

Подводя итог этому беглому обсуждению, констатируем, что есть субстанции, предназначенные для потребления и являющиеся несомненными благами для тех, кому они достаются как предмет потребления. Но одновременно либо сами эти субстраты, либо последствия или условия и способы их потребления могут оказаться чем-то противоположным для других групп людей, а частично — даже и для тех, кому эти субстраты представляются благами. Есть и субстраты, предназначенные для потребления и потребляемые одновременно как блага для одних и как не-блага для других.

И еще один вопрос. Можно ли говорить о потреблении против воли, когда нечто навязывается силой или неизбежно в силу сложившихся обстоятельств, из-за специфической ситуации, но нежелательно? Например, не странно ли звучат словосочетания «потребление нитратов», «потребление угарного газа» или «потребление угроз личной безопасности»?

6. Социальные беды¹²

Существуют феномены — события, явления, процессы, субстраты, — которые не могут вообще называться «благами». Они «обваливаются», обрушиваются на людей, люди вынуждены жить, испытывая дискомфорт, «потребляя» нечто против своей воли и/или во вред себе. Такие события, явления, процессы нельзя ни считать, ни называть отрицательными, негативными благами. Они вообще не принадлежат к феноменам, определяемым как блага, независимо от их формы, характера, способа соединения их с индивидами или группами. Они не потребляются вообще, но создают некую негативную социальную среду. Люди, вынужденные жить, например, в криминальной атмосфере, не потребляют эту криминальность. Они оказываются, против своей воли или ничего не зная, под воздействием таких элементов среды.

¹² Тема социальных бед чрезвычайно тесно переплетается и перекликается с хорошо известной в микроэкономике темой негативных экстерналий. Это направление нами развивается в сторону установления связей негативных экстерналий и социальных бед в макросистемном представлении. В отдельных англоязычных публикациях термины «негативные экстерналий» и «социальные беды» употребляются как синонимы.

Зачастую люди вынуждены потреблять что-то не только против своей воли или без достаточной информации с явным вредом для себя. Так бывает с загрязненной атмосферой, грязной водой, повышенным радиационным фоном и другими подобными «вредностями». Сюда же относятся ситуации, когда люди вынуждены жить рядом со свалками, собирать урожай на огородах, зараженных ртутью и т. п. Многие вполне осознанно и сами производят такие элементы, но не для своего личного потребления. Есть и целый ряд субстанций, вредность которых для потребления выявляется с трудом, не заметна незнающим или невооруженным приборами. В этом ряду находятся, например, действия, наносящие массовый моральный вред, плохо поддающийся какому-либо измерению, но хорошо фиксируемый как факт.

Отождествление подобных феноменов с отрицательными благами, которые иногда называют «антиблагами», приводит к методологическим ошибкам. Пока что отметим, что некоторые подобные феномены могут быть либо как-то демпфированы, смягчены, либо компенсированы (например, с помощью каких-то дополнительных выгод¹³). Но есть и такие отрицательные феномены, которые не могут быть ни компенсированы, ни смягчены ни в личном, ни в коллективном, ни в социальном потреблении. Они остаются как неустранимые рубцы на социальном теле и с момента своего появления сопровождают либо индивидуальную жизнь, либо жизнь сообщества, нации, государства, а иногда — существование огромной части человечества. Отголоски некоторых таких «отрицательных» событий дошли до нас, хотя произошли они во времена, когда даже не могли быть как-то объективно зафиксированы. Другие события были зафиксированы и проявляются многие сотни и даже тысячи лет в межэтнических отношениях и повседневно, в быту¹⁴.

В англоязычной литературе для подобных феноменов сравнительно недавно найден удачный термин «bad» как имя существительное, а в качестве негативного аналога (антонима) «социальным благам» широко используется словосочетание «social bads». Это удобные антонимы, в том числе, еще и потому, что английский термин «good» означает в русском переводе не только «благо», но и «товар». Переход к антониму «bad» в английском позволил избежать путаницы и долгих объяснений. В частности, в англоязычных научных публикациях появились материалы с обсуждением «социальных бед»¹⁵. В некоторых из них появи-

¹² Тема социальных бед чрезвычайно тесно переплетается и перекликается с хорошо известной в микроэкономике темой негативных экстерналий. Это направление нами развивается в сторону установления связей негативных экстерналий и социальных бед в макросистемном представлении. В отдельных англоязычных публикациях термины «негативные экстерналий» и «социальные беды» употребляются как синонимы.

¹³ Еще Пигу в 20-е годы прошлого столетия, развивая свои идеи социальных издержек, предложил ввести специальный налог на негативные экстерналий, который надо взимать с субъектов, непосредственно отвечающих за такие экстерналий. Такой налог получил название «пигу-налога».

¹⁴ Например, предания о смещении языков, вавилонской катастрофе или гибели Атлантиды могут быть отголосками незафиксированных событий, а современные ситуации на Северном Кавказе или в палестино-израильских отношениях имеют хорошо известное происхождение.

¹⁵ В частности, см. работы: [Eriksson and, Zehaiez 2003]; [Coram, Aiken <http://www.psa.ac.uk/cps/2002/coram.pdf>]. Последний в своей работе ссылается на статью McMylor P. Goods and Bads // *Radical Philosophy* 77: May/June 1996, найти которую нам не удалось.

Социальные индикаторы — что это такое?

лись даже классические модели экономики, находящейся под влиянием бед. В целом словосочетание «social bads» как термин встречается не очень часто, но все же используется. К этому же семантическому гнезду можно отнести и такое выражение, как «negative social externalities», которое часто встречается рядом с выражением «social bads».

Однако никакой специальной концепции этого понятия, отличной от противопоставления благу, пока что обнаружить не удалось. Социальные беды рассматриваются как негативные (вредные, плохие, нежелательные) социальные и экологические последствия социальных действий, как правило, связанных с финансово-материальными инвестициями, с действием финансового и физического капитала. В некоторых работах указывается на социальный капитал как на возможный источник социальных бед¹⁶.

В отечественной литературе эта тема как специальная только начинает рассматриваться. В русскоязычной литературе выражение «социальные беды» встречается часто и, как правило, расшифровывается через такие феномены, как низкая заработная плата, невыплаты, безработица, социальные болезни, алкоголизм, наркомания, преступность, нищета, насилие, загрязнение окружающей среды и т. п. Социальные беды фигурируют под разными обозначениями, смысл любого из которых сводится к так или иначе отрицательно оцениваемым (негативным) событиям и социальным процессам. В литературе также отсутствует последовательная концепция негативного социального процесса или социальной беды. Поэтому термины «негативный социальный процесс» или «социальная беда» пока что следует воспринимать как метафору, содержащую отрицательную окраску события или процесса. Иногда эта окраска объективно и с очевидностью оправдана независимыми от наблюдателей и участников фактами, иногда полностью субъективна или связана с ощущениями и мнениями конкретных субъектов, жертв событий, авторов публикаций, с принятыми обычаями, господствующими социальными нормами.

В этом отношении показателен следующий пример.

Пример 4 [Коссов, 2002, с. 50—66]. В данном примере строится показатель (индикатор), который позволяет ранжировать регионы в списке всех субъектов РФ по качеству жизни. В основе формирования индикатора лежит оценка качества процессов.

1. Все социальные условия и ситуации делятся на два множества— позитивные и негативные. Позитивные условия характеризуются оценкой в стиле «чем их больше, чем они интенсивнее— тем лучше», негативные— оценкой «чем больше— тем хуже».

2. К позитивным отнесены комфортные условия, продлевающие людям жизнь, сокращающие смертность. Негативные условия рождают дискомфорт, укорачивают жизнь и увеличивают смертность.

3. Во времени позитивные и негативные ситуации и условия складываются в некие результирующие позитивные и негативные процессы относительного улучшения или ухудшения качества жизни.

4. Результирующий позитивный процесс отображается продолжительностью предстоящей жизни новорожденных (чем она больше, тем лучше). Результирующий

¹⁶ Одним из главных факторов роста социального капитала является доверие, которое играет определяющую роль и в преступных, социально вредных действиях.

негативный процесс характеризуется убийствами, смертностью, младенческой смертностью и безработицей. Результирующий интегральный процесс — некий итог взаимодействия негативного и позитивного процесса.

5. Каждый из процессов представлен своими статистическими временными рядами. Интегральный результирующий процесс описывается линейной функцией результирующих негативного и позитивного процессов и, соответственно, интегральный результирующий показатель — сумма взвешенных характеристик (показателей) негативного и позитивного процессов.

Итак, результирующий негативный процесс, который можно обозначить как социальную беду, характеризуется убийствами, смертностью, младенческой смертностью и безработицей. На первый взгляд кажется, что эти характеристики — бесспорные свидетельства социальных бед. Однако более пристальный анализ заставляет усомниться в универсальности таких характеристик в качестве свидетельств социальных бед. Действительно, общий показатель смертности не учитывает того обстоятельства, что смертность может повышаться в определенные периоды вследствие старения населения, увеличения продолжительности жизни из-за улучшения условий жизни, т. е. свидетельствовать о позитивном социальном процессе.

С младенческой смертностью и безработицей как показателями дело обстоит еще сложнее. Детская смертность и безработица как явления могут оцениваться с двух противоположных позиций, сформулированных выше.

Смерть каждого младенца и в особенности — новорожденного — практически всегда несчастье, беда для родителей и родных. Но так ли это с позиций сообщества или, тем более — нации? Смертность среди новорожденных в России в данное время снижается благодаря, в первую очередь, усилиям медицины и санитарно-врачебного персонала. Это приводит к выживанию тех младенцев, которые раньше, скажем, лет 50 назад, не смогли бы выжить из-за врожденных изъянов в организме. Такие младенцы в будущем вряд ли превратятся в здоровых взрослых людей и с большой вероятностью дадут начало также не слишком приспособленным детям. Тем самым ограничивается действие естественного отбора и ухудшается здоровье следующих поколений. Это может привести и приводит не только к снижению общего качества жизни, но и к падению воспроизводственного потенциала нации, приближению к порогу, за которым потребуется сверхвысокий рост затрат на поддержание здоровья и может начаться катастрофическое падение рождаемости из-за нездоровья населения в репродуктивном возрасте. Именно младенческая (и, следовательно, детская) смертность не может рассматриваться как безусловный свидетель негативных процессов¹⁷.

Так же непросто обстоит дело и с безработицей, которая, конечно же, на индивидуальном уровне чаще всего является бедой, хотя и не всегда.

Во-первых, существует явление фрикционной безработицы, которая в отдельные периоды может расти, отражая структурные изменения в народном хозяйстве или переливы капитала из отрасли в отрасль, с одной территории на другую.

¹⁷ Эти рассуждения ни в коем случае не могут рассматриваться как хотя бы намек на призыв к инфантизму. Я хотел лишь подчеркнуть сложность однозначной и беспрекословной оценки многих феноменов.

Социальные индикаторы — что это такое?

Во-вторых, с позиций рынка труда нормальное состояние последнего всегда будет сопровождаться некоторым «естественным» (фоновым) уровнем безработицы, так что уровень безработицы ниже этого указывает на ненормальную обстановку на рынке труда. Совпадение спроса и предложения рабочей силы может быть достигнуто либо статистическим обманом, либо силовым давлением со стороны государства или иных агентов рынка. Поскольку же региональные сегменты рынка труда могут существенно отличаться по многим своим свойствам, сравнительные их характеристики в различные моменты времени сами по себе не свидетельствуют вообще ни о чем. К этим сомнениям стоит добавить еще и недостоверность самого статистического показателя из-за специфического характера учета безработицы.

Таким образом, как и в случае с благами, одни и те же события, даже вполне отчетливо и объективно регистрируемые статистическим учетом, с позиций индивида могут расцениваться как беды, а с позиций сообщества или нации — как нейтральные или даже как блага.

В русском языке антоним слова «благо» — слово «зло». В то же время (и это любопытно само по себе) русское слово «беда», скорее всего, имеет общее с английским словом «bad» происхождение от единого индоевропейского корня, на что указывает литовское слово «beda» и латышское «bedas» (нужда, горе, забота, беспокойство) [Шанский и др. 1975, с. 89]. Поэтому мы предлагаем в качестве антонима термину «благо» (но именно термину) употреблять термин «беда». Действительно, антоним «зло» ассоциируется с чем-то уже совершенным, в то время как «беда» может быть отнесена и к некоторой напряженности, ожиданию, обстановке, ситуации.

Специально обратим внимание на то, что в англоязычных источниках, где используется термин «bads» или «social bads», нам не встретилось даже попытки создать концепцию социальной беды, но лишь использование этих терминов почти как метафор, противопоставляющих негативные продукты человеческой (индивидуальной и коллективной) деятельности благам. Подавляющее большинство публикаций, употребляющих этот термин или просто метафору, имеют дело с состоянием природной окружающей среды, с налогами за пользование природными ресурсами. Несколько авторов рассматривают «плохие» социальные последствия процесса глобализации.

Итак, под социальной бедой мы будем понимать такое состояние социальной среды и/или такие массовые регулярные события либо ситуации, которые оказывают или могут оказывать на людей (их здоровье, самочувствие, ощущение комфорта, личную безопасность, возможность реализации своих социальных прав, возможности саморазвития и другие сферы) негативное влияние или грозят им отрицательными последствиями¹⁸.

Конечно, такое описание термина нельзя считать строгим, поскольку оно не дает возможности любое событие однозначно индцировать как соответствующее или не соответствующее ему. Например, рост социального капитала можно рассматривать и как процесс, угрожающий спокойствию людей. Более того, очевидно, что социальный капитал преступной группы (например, сети наркоторговцев или коррумпированных чиновников) выше, чем разобщенных че-

¹⁸ Таким образом, подобные феномены и процессы не могут быть отождествлены с негативными экстерналиями, социальные беды как явление, несомненно, тесно связаны с негативными экстерналиями, но им не тождественны.

стных граждан. Рост ВВП и преступности связан положительной корреляцией уже в силу того, что экономическое оживление пробуждает не только легитимную активность. Во всех подобных случаях изменение значений индикаторов экономического роста не может рассматриваться как свидетельство или измеритель социальных бед. Социальными бедами оказываются негативные последствия вполне позитивных процессов.

Мы не можем заранее и однозначно определить, что такое негативное или отрицательное влияние и последствия, да и вряд ли это можно сделать строго и обобщенно. Как отрицательное любое событие или явление может восприниматься и отдельным человеком на основании его личных неудовлетворенных потребностей, так и сообществом на основе принятых норм или коллективных потребностей либо обществом в целом на не очень ясной базе.

Таким образом, *социальной бедой мы называем либо события непосредственно негативного характера, либо социальную ситуацию, создаваемую такими событиями.*

Собственно негативная оценка события представляет собой во многих (но не во всех) случаях отдельную сложную проблему.

7. Идентификация благ и бед

Прежде чем пытаться измерить блага и беды, надо научиться идентифицировать их, т. е. найти признаки, которые помогли бы относить те или иные наблюдаемые феномены — явления, процессы — к благам или бедам.

Общепринятой методики идентификации благ и бед не существует, как не существует пока что и более или менее четких их определений. Тем не менее мы считаем возможным опереться на обобщенные представления о благах и бедах, разбросанных по литературе. Здесь, как и во многих других направлениях, выделяются два подхода — объективный (нормативный) и субъективный (на основе оценки самоудовлетворенности)¹⁹.

Для нормативного подхода характерна опора на некое специальное представление о том, что полезно и что вредно, что может и должно вести к росту, а что — к падению благополучия. Подобное представление в литературе существует в различных формах — в (научно) сконструированных моделях потребления и жизни, в документах нормативно-правовой базы, в так или иначе легитимизированных, универсально (в том числе и общественно) признанных нормах и правилах потребления и вообще жизни.

Нормативный подход в оценке благополучия был всегда главным на территории бывшего СССР и остается главным в России сегодня.

В соответствии с таким подходом благом надо считать любые события, процессы, явления, ситуации, ведущие к росту и стабилизации нормативно определяемого благополучия, а бедами — события, процессы, явления, ситуации, снижающие и дестабилизирующие нормативно определяемое благополучие или препятствующие его росту.

Основная трудность заключается в фиксации нормативного определения. При том, что существует несколько таких определений, сложно ответить, какое

¹⁹ Возможно, для краткости их лучше бы называть «нормативным» и «сатисфакционным» (от англ. satisfaction — удовлетворенность).

Социальные индикаторы — что это такое?

из существующих определений выбрать в каждом случае оценки. Например, уровень бедности может определяться для индивида некоторого возраста, пола, рода занятий, домохозяйства. Он будет разным для разных регионов, подвержен изменению во времени. Выбор конкретного уровня бедности в качестве критерия зависит от той задачи, которая подлежит решению то ли в формировании какой-то политической программы, то ли в разработке конкретных мероприятий, то ли для проведения сравнительных исследований в разных целях.

Не проще формирование и любых других нормативов, позволяющих идентифицировать нормальные ситуации, — для окружающей среды, личной безопасности, здоровья, пределы нормы грамотности, качества жилья и т. п. Но даже если вообразить себе фантастическую удачу — появление всех нормативов для «правильной» жизни, — тут же возникает серия не менее сложных задач. Необходимо будет ответить на вопрос, как оценивать жизнь в целом, когда условия жизни надо считать благом и с какого момента начинается беда.

Направление изменения благополучия — нормативное и оцениваемое — существенно зависит от того, какая модель изменения благополучия будет положена в основу такого определения. Хотя мало кто признает этот факт, но подавляющее большинство авторов печатных работ в качестве нормальной модели изменения благополучия использует известную пирамиду потребностей Маслоу (См.: [Boeree C.G. <http://www.ship.edu/~cgboeree/maslow.html>])²⁰.

В соответствии с этой моделью все потребности делятся на базовые и потребности в самоактуализации. Базовые потребности начинаются с самых примитивных, физиологических. В соответствии с идеей пирамиды Маслоу вслед за возникновением и удовлетворением физиологических потребностей, после их удовлетворения (но не ранее), возникает потребность в безопасности — в безопасном окружении, стабильности и защите. После удовлетворения этих потребностей появляются потребности в любви и причастности — потребности в друзьях, детях, сочувствии, принадлежности к какому-либо сообществу и т. п. И только после удовлетворения этих потребностей человек начинает ощущать необходимость уважения, самоуважения, высокой оценки со стороны окружающих. Все эти потребности относятся к классу так называемых дефицитарных потребностей или D-потребностей. Индивид их ощущает, только когда они не удовлетворены, когда существует дефицит в их удовлетворении. Удовлетворенность по всем этим потребностям приводит к полному равновесию и исчезновению всяких мотиваций. D-потребности подобны инстинктивным и потому получили название инстинктиноидных. Неудовлетворенность этого класса потребностей представляет собой депривацию. Длительная же депривация приводит к стрессам и неврозам.

Логика удовлетворения массовых потребностей на основе этой доктрины проста: сначала надо человека напоить и накормить, создать условия для безопасного существования и сосуществования, для включения в общение и получения знаков признания и уважения²¹. Если на этом восходящем пути встретятся препятствия в удовлетворении очередных более высоких потребностей, в ре-

²⁰ В представленной биографии Маслоу дано достаточно подробное описание основных результатов Маслоу в интересующей нас области.

²¹ Как в известных народных сказках. Когда добру молодцу случалось попасть в дом бабы-яги, в ответ на ее расспросы молодец требовал сначала накормить его, напоить, в баню сводить, спать уложить, а потом уж с ним разговаривать. Народ издревле выделял дефицитарные потребности в особый класс.

зультате депривации наступает стресс. Его устранение невозможно вплоть до удовлетворения потребностей.

Только после удовлетворения потребностей на этом уровне могут возникнуть потребности, следующие по уровню. И тогда возникает более высокая мотивация, стремление к самоактуализации, высокие достижительные мотивы. Поэтому оценка собственного бытия как полноценного, счастливого возникает лишь после удовлетворения базовых потребностей.

На основе такого подхода в первую очередь надо выяснять все про удовлетворенность базовых нужд. Базовые нужды в приведенной выше трактовке могут быть заданы как универсальные примерно на одном уровне для всякого индивида в зависимости лишь от его возраста и пола. Поэтому при нормативном подходе построение индикатора качества жизни не требует выяснения ощущений тех, чья жизнь оценивается, но лишь определение наличия в их распоряжении средств и ресурсов для удовлетворения базовых (нормативных) потребностей.

Вопросы, выясняющие эти обстоятельства, мы обнаруживаем при построении социальных индикаторов практически во всех развитых странах. Те же обстоятельства в первую очередь выясняются и международными организациями при формировании социальных индикаторов для оценки жизни в развивающихся и бедных странах.

Видимо, такой нормативный подход оправдан в определенных случаях и для некоторых регионов, стран и определенных групп населения. Обратим внимание на то обстоятельство, что и в богатых странах статистика через социальные индикаторы интересуется удовлетворенностью базовых потребностей населения, идентифицируются те группы, базовые нужды которых с позиций нормативов удовлетворены не полностью.

Этот подход подвергается критике по многим направлениям. В частности, утверждается, что в нормальном человеческом бытии не существует такой жесткой последовательности, очередности возникновения усложняющихся мотиваций, и что потребность в самоактуализации и соответствующие мотивации скорее опережают все остальные. Известны примеры даже массовых самоубийств в ситуациях, когда людям окружающее их общество отказывало в возможности реализации определенного стиля духовной жизни при достаточно хорошем материальном обеспечении всех нужд.

Конкурирующая пирамида потребностей действительно появилась, ее автор — молодой психолог из Новосибирска²². В этой пирамиде также существуют дефицитарные потребности в поддержании жизни, ее продолжении и т. д. Но отрицается единственность вектора развития по ступеням удовлетворения потребностей. Человек и с не полностью удовлетворенными дефицитарными потребностями вполне может обладать высокими мотивациями и достигать больших высот в самореализации. Такими примерами история изобилует. Мы знаем

²² Вит Ценев. Этот молодой психолог осуществил мистификацию, придумав легенду о некоем американском психологе У. Тэлли, который якобы и предложил некое продолжение доктрины А. Маслоу. Мистификация была придумана и реализована В. Циневым еще в студенческие годы, изложена в курсовой работе. По признанию автора мистификации (в письме, написанном мне), преподаватель, прочитав работу, лишь покачал головой, ничего не сказал и поставил хорошую оценку. Весь текст довольно обширной и, несомненно, талантливой и интересной работы размещен в сети ИНТЕРНЕТ по адресу: www.psyberia.ru/mindterritory/tally00.

Социальные индикаторы — что это такое?

героев и гениев, которые вполне сознательно и навсегда отказывались от удовлетворения как раз тех потребностей, которые, по доктрине Маслоу, обязательно должны удовлетворяться до того, как человек окажется способным к мотивациям более высокого уровня. Базовые потребности также считаются социобиологическими, но не обязательно удовлетворяемыми полностью. С этой точки зрения даже дефицитарные потребности взаимозаменяемы. Взаимозаменяемость, своеобразная эластичность всех потребностей и создает потенциальное множество векторов развития. Их начало вовсе не закреплено за какими-то определенными точками этого пространства. Разумеется, никакой нормативной модели потребностей и способов их удовлетворения на такой основе построить нельзя. Следовательно, если принять за основу эту доктрину потребностей, статистика должна иметь дело с субъективными оценками.

При субъективном подходе главным критерием является удовлетворенность, ощущения тех, качество чьей жизни, чьего существования оценивается. По этому пути также идет вся мировая статистика.

Некоторое продвижение в сторону субъективных индикаторов в России намечилось, но исключительно среди авторских и заказных индикаторов. По существу, таковы все индикаторы, публикуемые службами исследования общественного мнения. Таких индикаторов много в академических исследованиях. Информационная база для подобных индикаторов существует в результате реализации проекта Российского мониторинга экономики и здоровья (RLMS) [Сваффорд, Косолатов, Козырева 1999]. Во всех случаях сложность использования как самих показателей в качестве социальных индикаторов, так и информационной базы для создания социальных индикаторов заключается в изъянах описания предлагаемых результатов. В одних публикациях отсутствуют подробные характеристики информационной базы, в других — описание методик сбора информации, в третьих — алгоритмов расчетов и характеристик шкал, во многих публикациях просто приводятся результаты безо всяких характеристик, в форме процентных соотношений или количеств чего-нибудь в сопровождении содержательных выводов авторов.

Но подобный подход не допускает простого решения относительно идентификации благ и бед. Поэтому главным источником идентификации становится либо эксперт, либо непосредственно субъект, потребляющий блага, нуждающийся в них, оказавшийся в ситуации социальной беды.

Очевидно, что значительная часть событий, явлений и процессов может все же априори идентифицироваться как блага или беды на основе их легитимизации в этих качествах либо через законодательство, либо через общепринятые нормы жизни, бытия, на базе социального и всеми признаваемого правильным опыта, практики. Именно на подобной основе построена оценка качества жизни в примере 4, приведенном выше.

Подобный подход довольно типичен. Позитивные (в определенном смысле — полезные) процессы характеризуются буквально положительными в арифметическом смысле значениями соответствующих переменных. Негативные процессы (в определенном смысле — вредные, плохие) отображаются отрицательными величинами других специфических переменных. Это, разумеется, наивный буквализм — здесь и линейность как самое простое представление, здесь и отождествление скорее художественной метафорической оценки с арифметическим знаком.

8. Определения, предлагаемые в литературе

В публикациях можно найти большое количество определений социальных индикаторов. Большое количество индикаторов приводится в статистических специальных изданиях и в научных публикациях. Их обобщение также должно дать материал для формирования подходящего определения понятия «социальный индикатор».

Рассмотрим на фоне требований, сформулированных по отношению к определению понятия, два примера.

Пример 5 [Егоршин 2001, с. 102 — 116]

«Методика расчета интегрального показателя качества жизни.

Качество жизни населения рассчитывается как отношение прогнозируемых критериальных показателей к базисным значениям качества жизни и функций стимулирования относительно достигнутого качества жизни, равного 100 баллам.

Комплексный показатель равен сумме частных показателей качества жизни. Полученное значение в баллах отражает «вклад» конкретного частного показателя в общий уровень жизни населения.

Комплексный показатель качества жизни населения в баллах является отношением суммы частных показателей к сумме весовых коэффициентов.

Оценка итогового значения комплексного показателя качества жизни населения зависит от его численного значения по периодам времени. Практическая ценность данного показателя заключается в оценке динамики развития региона и планомерного воздействия в направлении улучшения качества жизни населения.

Практическая апробация методики расчета качества жизни населения проведена для трех объектов стратегического управления: России в целом, Волго-Вятского экономического региона, Нижегородской области. В расчете заложены следующие основные положения:

1. Формируется сопоставимый перечень частных показателей качества жизни населения.

2. За базисный период расчета по каждому объекту исследования принимается 1985 г. — начало перестройки и рыночных реформ.

3. Фактические расчеты показателей ведутся по данным статистической отчетности регионов за 1990, 1995, 1997 и 1998 гг. с приведением цен к сопоставимым значениям с помощью индексных коэффициентов, учитывающих инфляцию.

4. Прогнозные оценки на 2000 г. рассчитываются методом интерполяции динамики статистических данных показателей в реалистичном варианте, когда за основу принимается динамика показателей за 1990—1997 гг.²³

5. Весовые коэффициенты (В1) определены по группам четырех интегральных показателей экспертным методом (0, 26 + 0, 26 + 0, 26 + 0, 22), а внутри них распределены между частными показателями по формуле средней арифметической. При этом весовые коэффициенты частных показателей находились в диапазоне от 0, 01 до 0, 02.

Сводные результаты расчетов качества жизни по России, Волго-Вятскому экономическому району и Нижегородской области показаны на диаграмме

Проведенные расчеты интегрального показателя качества жизни населения для Нижегородской области составили соответственно в 1990 г. 108 баллов, в

²³ Судя по тексту, авторы имели в виду не интерполяцию, а экстраполяцию.

Социальные индикаторы — что это такое?

1995 г. — 82 балла, а в 1997 г. — 81 балл, что в целом ниже среднего уровня показателей Волго-Вятского экономического района (ПО баллов)».

Очевидно, что предлагаемый нашему вниманию показатель должен принадлежать к классу социальных индикаторов и, как таковой, обладать указанными выше свойствами. При этом мы не пытаемся ни в коем случае оценить качество самого показателя, предлагаемого авторами. Наша задача — уточнение понятия, которое мы собираемся определить. За пределами класса, ограничиваемого нашим определением, останется много полезного и интересного, но не подходящего для наших целей.

Предлагаемый показатель, по крайней мере в описанном авторами виде, не может служить для нас образцом социального индикатора. Во-первых, результат не воспроизводим без непосредственного участия авторов, а потому и принципиально не проверяем. Во-вторых, ни предлагаемые определения, ни алгоритм, ни результаты не могут быть не только опровергнуты, но и критически рассмотрены. В то же время очевидно, что как исходные данные, так и результаты принадлежат социальной сфере.

Пример 6 [Сиденко и др. 2000, с. 236].

«§3. Показатели бедности

Порог бедности рассчитывают на основе соотношения стоимости прожиточного минимума различных групп населения и их доходов. Для оценки уровня доходов населения используют показатель минимального размера заработной платы.

Минимальный размер заработной платы— это нижний предел зарплаты, фиксируемый нормативными актами.

Минимальный размер пенсии— это нижний предел пенсии, устанавливаемый нормативными актами.

Покупательная способность минимальной зарплаты определяется как соотношение минимальной по стране (региону) заработной платы и среднего по стране (региону) уровня цен на конкретные товары и услуги. Этот показатель характеризует количество продовольственных и непродовольственных товаров и услуг, которое можно приобрести на минимальную заработную плату, т. е. определяется как порог бедности.

Покупательная способность минимальной пенсии определяется аналогично покупательной способности минимальной зарплаты.

Уровень (коэффициент) бедности рассчитывается как доля населения с доходами, равными или ниже величины порога бедности, в общей численности населения. Регионы страны классифицируются по уровню бедности, при этом для каждой территории рассчитывают показатели дефицита дохода.

Индекс бедности определяется как темп роста средневзвешенной величины доли лиц, живущих ниже порога бедности.

Дефицит дохода — это средняя сумма денег, необходимая для увеличения доходов каждой семьи до уровня, соответствующего порогу бедности.

Зоны бедности — это территории с высокой концентрацией бедных, на которых коэффициент бедности населения выше среднего по стране.

На основе распределения общей численности населения по уровню доходов и средней величине прожиточного минимума оценивается численность живущих за чертой бедности. Для расчета доли бедных в общей численности населения применяют следующую формулу».

Далее следуют несколько формул расчета различных индексов (показателей, индикаторов) бедности.

Предлагаемые в этом пособии показатели представляют собой стандартные индексы, отвечающие некоторым из предъявленных выше требований. Безоговорочное же применение предлагаемого в пособии индикатора, например, с целью упорядочения субъектов Федерации или регионов иного типа вряд ли возможно и плодотворно для анализа по многим причинам, часть из которых заключается в характере самого индикатора.

В данном случае мы имеем дело с нормативным индикатором бедности. Останемся пока что на позиции именно нормативной бедности.

Однако и эта позиция без специального разъяснения и оговорок не приведет к результатам, поддающимся осмыслению. Укажем лишь на некоторые изъяны такого подхода, ориентируясь на сформулированные выше требования, предъявляемые к определению понятия социального индикатора.

На уровне здравого смысла ясно, что у бедности есть несколько сторон, ипостасей, образов, даже если она определяется через нормативы.

Бедность, скажем, в Москве, Вологде, Салехарде — совершенно разные явления не только из-за несходства субъективных оценок, но и из-за самого существования, структуры жизни в этих городах. Следовательно, можно рассуждать о некоей усредненной черте бедности, общей для многих (каких?) территорий, т. е. говорить о некоей «абсолютной» бедности. Можно также анализировать распределение населения по уровню бедности, но относительно того, что является бедностью для данного региона.

Таких поворотов темы бедности в рамках нормативного подхода очень много. Например, есть смысл ставить вопрос о бедности в связи с доходом не вообще на душу и ориентируясь на минимальный бюджет не абстрактного гражданина, а члена домохозяйства (семьи). Концепция коллективного потребления приведет к иным нормативам и иному результату расчета на основе другого индикатора. Кроме того, норматив можно связать с этнокультурными традициями, когда бедность в одной культурной среде оказывается богатством в другой.

В то же время этот индикатор, если ориентироваться исключительно на нормативные документы, предлагает совершенно определенные правила операционализации предложенной концепции и интерпретации значений индикатора. Неясности остаются перед началом самого расчета и установления того, с каким характером результатов, с формальной точки зрения, мы будем иметь дело. В конце действий мы получим некие доли групп населения, характеристики которых отвечают заранее установленным числовым критериям. Но, получив эти распределения, мы остановимся в растерянности перед возможностью их разумной интерпретации и какого-либо практического использования.

Ввиду этого, к сожалению, обобщение характеристик показателей, которые надо было бы считать социальными индикаторами, в каждом отдельном случае приведет к довольно беллетристическому определению понятия. Тем не менее реконструирование образа показателя из того, что нам предлагает литература, придирчивый анализ и выявление изъянов каждого отдельного индикатора позволяет хотя бы приближенно представить себе некий идеальный показатель, который можно было бы считать именно социальным индикатором, а не просто статистическим показателем из социальной сферы.

9. Социальные индикаторы: уточнение понятия

Обсуждение мы продолжим на примере социальных индикаторов, предлагаемых Министерством труда и социального развития Российской Федерации [Индикаторы РФ 2003], и списка некоторых социальных индикаторов, представленных Госкомстатом РФ. Сборник, содержащий эти индикаторы, называется «Социальные индикаторы доходов и уровня жизни населения». В самом сборнике, правда, конкретные индикаторы именуются показателями, индексами и другими подобными знакомыми смыслами. Госкомстат, как и наша отечественная официальная статистика во все времена, предлагает стандартный набор статистических показателей. Отличие от прошлого состоит в том, что появился так называемый «индекс человеческого развития», который в настоящее время рассчитывается и публикуется практически по всем странам мира, в том числе в сети Интернет.

Отметим любопытное и важное обстоятельство: все показатели представляют собой результат измерения в количественных шкалах, как правило, в интервальных, в некоторых случаях даже и в абсолютных.

Пример 7. Обратим внимание на индикатор «Обеспеченность населения товарами длительного пользования». На первый взгляд все в нем ясно и просто. Обеспеченность есть количество штук обозначенных предметов (телевизоров, холодильников и т. д.), деленное на количество семей. У нас не было возможности получить те инструкции, которыми руководствуются органы учета, чтобы подсчитать, сколько обозначенных предметов находится в пользовании у населения. То же относится и к количеству семей в России. Очевидно, что все это может быть лишь результатом либо сплошных или выборочных переписей населения, либо специальных выборочных обследований. Нетрудно понять, насколько был сложен путь как от концепции к непосредственному измерению всего, что необходимо в эмпирическом представлении, так и от результатов первичного измерения к расчету самого индикатора. Здесь мы не обсуждаем ни качество самой информации, ни смысл этого индикатора, но лишь указываем на то обстоятельство, что понять, что именно им измерено, невозможно без скрупулезного определения самого понятия социального индикатора.

Действительно, вся социальная статистика в России рассматривает публикуемые ею показатели как количественные, данные для которых получены в определенном смысле отстраненными, «объективными» наблюдениями.

Значительное количество определений-метафор (но не все) относится к социальным индикаторам так же, как к количественным мерам. Хотя и не всегда ясно, что под этим имеют в виду авторы, но, скорее всего, в соответствии с распространенным в среде социологов и экономистов мнением, под количественным измерением понимается такой способ измерения, результатами которого являются привычные со школьных времен числа. Они позволяют сравнивать измеряемые объекты друг с другом так, будто измеряется вес, объем, длина, продолжительность во времени или другая характеристика, подобная этим физическим. Кажущаяся простота привычных физических измерений соблазняет. Почему-то представляется, что если результаты измерения складывать, умножать на какие-нибудь числа, производить над ними другие арифметические действия, они заслужат больше доверия и уважения, объективируются. Однако иногда

социальный индикатор описывается как сложная конструкция, состоящая из метода и результата измерения и даже включающая интерпретацию как результата, так и способа измерения. В самом широком случае индикатор рассматривается вообще как *инструмент* измерения в исследовании.

Таким образом, индикатором называют некий конструкт, представленный в интервале от числа до совокупности исследовательских инструментов, включающих начальную (базовую) теорию, информационную базу, способы, алгоритмы и результаты измерения, интерпретацию результатов, подчиненную некоторым правилам.

Гораздо большее единообразие заметно в области применения, в предмете и объекте внимания при формировании и вычислении социальных индикаторов. В подавляющем большинстве случаев в литературе мы встречаемся с термином «социальные индикаторы», реже — с терминами «социально-экономические индикаторы» или «социальные и экономические индикаторы».

Само движение в сторону распространения в практике оценки социально-экономической ситуации и ее динамики в странах в целом и в отдельных регионах, социальных индикаторов демонстрировало своеобразный протест против засилья чисто экономических оценок и «экономизации» всей жизни. Начавшись известным Хоторнским экспериментом в менеджменте [George Elton Mayo's http://www.accel-team.com/motivation/hawthorne_02.html], идеология «человеческих отношений» вышла за пределы отдельных организаций, за пределы материального производства. Прилагательное «социальный» скорее подчеркивает выбор иной методологической, идейной основы статистического измерения, но не новую сущность измеряемых показателей.

В действительности, возможно, это новое словоупотребление сигнализирует о начале серьезных преобразований в социальных науках, об отходе от неопозитивистских позиций, господствовавших до сих пор и в экономике, и в социологии. Строгое следование требованиям неопозитивистского подхода требует измерения лишь таких переменных (признаков, индикаторов, индексов), которые могут быть привязаны к экспериментально обнаруживаемым объектам. Само измерение должно представлять собой, в соответствии с этими требованиями, воспроизводимое экспериментальное действие в привычном для естественно-научного подхода смысле. Поэтому и все приводимые официальной российской статистикой индикаторы имеют в виду объекты, состояние которых принято считать независимым от инструментария наблюдения и учета.

На этом основании надо было бы рассматривать как верное утверждение о том, что где-то, в самом начале пути эмпирические системы с отношениями в реальной жизни имеют некое независимое отображение, подобно, например, деревьям в лесу ограниченной площади или атомам определенного вещества в замкнутом объеме.

Однако во многих случаях в таких науках, как экономика и социология, а также при получении сведений для принятия решений в сфере социальной политики и проверки, мониторинга социальных программ это оказывается невозможным. Дело в том, что естественно-научный подход в качестве обязательного шага предусматривает непосредственное экспериментальное подтверждение существования измеряемого феномена (переменной, свойства, эффекта). Таким подтверждением считается результат приборного измерения. Однако приборные измерения в экономике, социологии, статистическом учете, практически

Социальные индикаторы — что это такое?

во всех сферах и областях, с которыми имеет дело социально-экономическая политика, исключены. Внимательный анализ технологии конструирования и расчета многих показателей указывает, что объекты наблюдения живут самостоятельной жизнью и могут менять свое состояние в результате взаимодействия с системой статистического наблюдения и инструментами регистрации состояний.

Обратим внимание на начало пути в построении показателей в приведенном ранее примере 5. Здесь в начало пути помещены исходные данные (динамические ряды) по позитивным и негативным процессам.

В качестве показателей, характеризующих позитивные процессы, была выбрана средняя продолжительность предстоящей жизни новорожденных. Для каждого региона существуют так называемые таблицы смертности, построенные на основе данных переписи. В этих таблицах и содержится показатель «число лет предстоящей жизни» для каждого возраста, включая новорожденных. Но продолжительность предстоящей жизни для новорожденных рассчитывается только в рамках таблиц смертности, т. е. раз в пять-десять лет, в зависимости от частоты всеобщих переписей населения. Следовательно, этот показатель не может быть текущей, оперативной характеристикой процесса.

Казалось бы, в этом случае подходящей характеристикой позитивной стороны процессов может быть совокупное число лет, которое предстоит прожить родившимся в данном регионе в данном году. Но такой показатель равносителен средней численности новорожденных. Следовательно, он включает сведения и о тех, кто уедет из данного региона в предстоящие годы. Дети же появлялись не обязательно в семьях, рождение ребенка в которых можно было считать показателем позитивного отношения родителей к условиям жизни в регионе.

Попробуем представить себе, какие обследования понадобились бы для того, чтобы выявить подобные семьи. Помимо сложности в формулировании выводов из результатов любого опроса трудности встретились бы на пути получения более или менее определенного ответа родителей детей о связи их решения о рождении ребенка и прогноза качества жизни в данном регионе. Многие ли делают такие прогнозы, прежде чем обнаруживают неизбежность прибавления в семье новорожденного? С другой стороны, в таком исследовании предлагалась бы рационализация поступка из прошлого в качестве присвоения себе некоей способности к анализу и предвидению. Против такого соблазна устояли бы не все.

Заметим, что выбор событий социально позитивного типа для характеристики ситуации в регионе не прост. Обсуждение вопроса о том, какие события, стандартно учитываемые во времени и единообразно по регионам, могли бы лечь в основу характеристик позитивных процессов, как видно, требует специальной методологической работы. Такие события должны рассматриваться (оцениваться) жителями региона как благо для себя лично, своих семей, друзей, знакомых или как свидетельствующие о таком благе. Например, в качестве блага можно рассматривать самих новорожденных или событие «рождение ребенка».

Но и здесь возникает вопрос — воспринимают ли как благо рождение ребенка все родители и воспринимается ли как благо рождение любого ребенка, в том числе и необратимо больного, с врожденными серьезными изъянами? Как отделить положительные реакции на вопрос о желательности рождения ребенка, появившегося только что, в процессе самого опроса в качестве этически принятых от таких же реакций, но стабильных в прошлом?

Попытка найти удовлетворительное решение этой проблемы приводит к поиску ответа на другой, более общий, вопрос — кто же должен рассматриваться как благополучатель и кто — как субъект блага? Ведь здесь возможны почти несовместимые подходы, в конечном счете приводящие к различному пониманию, а затем — и к различным оценкам благополучия. Мы обратим внимание на два таких разных подхода. Первый из них связан с выяснением и обобщением индивидуальных позиций. Он реализует принцип индукции на бытовом уровне. Второй подход основан на рассмотрении последствий системных изменений для отдельных индивидов — нечто похожее на дедуктивные выводы.

Итак, одни и те же события могут быть и реально бывают или расцениваются одновременно и как позитивные и как негативные, и как блага и как беды одними и теми же людьми. Например, строительство жилых домов. Оживление жилищного строительства знаменует собой прирост рабочих мест, рост доходов, вероятное снижение цен на жилье.

Первый подход. И все же такое оживление может нравиться не всем. Представим себе, что интенсивное строительство развернулось не в каком-то отдаленном сравнительно ненаселенном районе города, а недалеко от нашего дома. Жители в районе такого строительства, за редким исключением, не оценят активность как благо для себя. Мало кто согласится оценить будущие блага достаточными, чтобы несколько лет терпеть шум, глотать пыль, ходить по грязи. Каждый отдельный человек живет сейчас. С другой стороны, те, кто рассчитывает на то, что их дети воспользуются благами или кто сам еще достаточно молод, зачастую будут готовы инвестировать в свое будущее или будущее своих детей несколько лет своей жизни.

В конце концов, надо бы спросить непосредственно у людей о том, какие события (типы, классы событий) ими воспринимаются как блага для них, а какие — как беды.

Но и это не даст достаточного, бесспорного основания для выбора типа событий, характеризующих социальные процессы с позитивной стороны. Если даже и предположить, что такое отношение устойчиво во времени и мы имеем дело с системой, находящейся в равновесном состоянии, трудно представить себе, чтобы одни и те же события одинаково (и позитивно) оценивались в разных социально-возрастных и этнокультурных группах и в разных регионах, кроме тех, которые удовлетворяют потребность каждого индивида.

Таким образом, при ориентации на индивидуальную оценку позитивности событий, строго говоря, окажется необходимым обращение к оценке событий большинством индивидов.

Но это означает отказ от рассмотрения именно индивидов в качестве субъектов благополучия и даже в качестве благополучателей. Таковыми оказывается группа большинства или те, кто за ними стоит. Более того, в отдельных случаях группы большинства может и вовсе не существовать, и тогда вообще невозможно ответить на вопрос, какие типы событий (или события) могут рассматриваться как свидетельства позитивного характера социального процесса. Так может случиться, когда отношение к событиям распределится по группам, ни одна из которых не составляет большинства. В то же время в подобных случаях люди, относящиеся к событиям как свидетельствующим о негативном характере процесса, всегда будут составлять большинство.

Социальные индикаторы — что это такое?

Единственным удовлетворительным способом в таких ситуациях будет определение в качестве событий, свидетельствующих о позитивном характере представляемых ими процессов, таких, которые в глазах (по оценке) индивидов не ухудшают состояния ни одного из них. Конечно же, таких событий не существует или, по крайней мере, их практически невозможно найти (сформулировать, определить) достаточно ясно для оценки индивидами в каком-нибудь разумно (относительно дешево и ограниченно во времени) устроенном обследовании.

Определенный суррогатный выход может быть предложен ориентацией на усредненные групповые мнения или на отношение основных социально-территориальных групп. Тогда придется потребовать, чтобы события, определяемые в качестве свидетельств позитивных социальных процессов, воспринимались всякой группой как не ухудшающие ее состояния²⁴. Но и в этом случае возникают методологические и методические проблемы, решения которых, скорее всего, пока что не существует. Так, надо ответить на вопросы, что означает восприятие *группой* события, о каких именно *группах* идет речь, статистических или реальных, органических, типа сообществ, что такое «состояние группы» и т. д.

С этой позиции мы вначале должны были бы выяснить, какие именно события в указанном смысле должны рассматриваться как события позитивных социальных процессов, как именно имеет смысл их фиксировать или как они фактически фиксируются статистикой в качестве эмпирических событий, включаются в эмпирическую систему с отношениями. Например, если мы обнаружим, что практически каждой семьей (каждой женщиной) по достижении определенного социально-экономического статуса рождение первенца (первого ребенка) рассматривается как желанное, а само достижение такого статуса является свидетельством позитивного социального процесса, то и изменение численности новорожденных во времени может рассматриваться как характеристика позитивного процесса.

Второй подход. Но возможна и иная ориентация при поисках определения событий, свидетельствующих о позитивном характере социального процесса. Промонстрируем ее на том же примере со строительством жилья.

Оживление жилищного строительства действительно может доставлять неприятности многим, кто живет в районах, близких к строительным площадкам. Отрицательное отношение к таким стройкам вполне оправданно и понятно. Более того, из сообщений средств массовой информации известно, что иногда против конкретных строек поднимается общественность и побеждает в этой борьбе. Стройки не только приостанавливаются, но в отдельных случаях даже сносятся уже построенные здания. Тем не менее, если у протестующих спросить, как они оценивают, в принципе, строительство жилья, конечно, реакция будет положительной, само строительство, построенное жилье будут рассматриваться как блага. Возможны, естественно, оговорки — «Мое отношение положительное, но при условии, что». Такая реакция — по существу, проявление общественного отношения к процессу оживления экономики.

При оживлении экономики отдельные, даже многочисленные группы, могут оказаться в дискомфортной ситуации, возможно — опасной или даже трагической. Но если последствия некатастрофичны, неудобства не длительны, а буду-

²⁴ Этот подход реализует идею парето-оптимальности.

щие выигрыши оцениваются как значительно перекрывающие текущие потери или в случаях, когда текущие потери и дискомфорт неизбежны, могут быть приняты решения в пользу развития такого процесса, потому что его результаты окажутся позитивными для территориального сообщества в целом, например, из-за улучшения экологической обстановки, появления большого количества рабочих мест и т. п. Прямой опрос (голосование в каком-либо виде) может дать отрицательную оценку событий со стороны большинства. Но не потому, что большинство против данного события, а из-за отсутствия позитивной оценки в глазах большинства любой из групп или из-за того, что в обследовании не был предложен удовлетворительный критерий оценки. Тогда благополучателем и субъектом благополучия могут быть не отдельные индивиды, а сообщество как единая система, которая в противоположном случае развалилась бы, взорвалась и попала в гораздо худшую ситуацию. Такие случаи в истории известны.

В подобных ситуациях события, свидетельствующие о позитивной направленности процесса, должны иметь системные свойства. Хотя в то же время можно искать, фиксировать и оценивать и события, свидетельствующие об улучшении функций системы, улучшении функционирования отдельных ее элементов и подсистем, ликвидации оснований дисфункций и соответствующих конфликтов и конфликтных ситуаций и т. п.

Конечно, и в этом случае придется отвечать на многочисленные сложные методологические и методические вопросы, прежде чем строго обосновать типы событий, способы их идентификации, фиксации и измерения. Например, при таком подходе нельзя всегда объявлять прирост ВВП свидетельством развития позитивного социального процесса, свидетельством роста социальных благ, поступающих на удовлетворение потребностей сообщества и в тех случаях, когда речь не идет об отдельных индивидах или домохозяйствах в качестве благополучателей или субъектов благополучия. Очевидно, что при таком подходе рождение детей — очень слабое событие. В качестве событий, свидетельствующих о позитивном процессе, можно было бы рассмотреть создание новых рабочих мест взамен и сверх выбывающих, изменение количества малых бизнес-организаций, продаж на первичных и вторичных рынках жилья и т. п.

10. «Строгое» определение

Используя представление о производных измерениях и производных шкалах, мы можем приступить к более или менее строгому определению понятия «социальный индикатор», которое будет почти удовлетворительным с позиций выдвинутых нами требований.

Строгое определение понятия «социальный индикатор» само по себе не требует от нас точной формулировки существа нашей позиции в указанном смысле. Поэтому в некотором приближении мы считаем вполне оправданным следующее определение. *Социальный индикатор — производная шкала или система шкал, в базе которой имеется хотя бы одна эмпирическая система с отношениями, где область определения состоит из благ и/или бед.*

Таким образом, если некий показатель объявляется (считается) социальным индикатором, тем самым утверждается, что в явной форме может быть представлена система шкал, начиная от эмпирических систем с отношениями, указаны

Социальные индикаторы — что это такое?

эмпирические системы с отношениями, области определения которых представлены благами и бедами и, кроме того, и те, и другие (блага и беды) каким-то убедительным способом идентифицированы как таковые. Поскольку система шкал измерения всегда определена однозначно, все проблемы релевантности и надежности сосредоточены в описании эмпирических систем с отношениями и, в частности, в описании благ и бед как событий (фактов, явлений, процессов), которые могут быть представлены объектами первичного измерения.

Большое число связанных друг с другом шкал, начиная с эмпирической системы с отношениями, может быть представлено в форме сети алгоритмов (и/или соответствующих программ для ЭВМ). Эта сеть может быть как очень простой (если ранг производных шкал невелик), так и очень сложной. Входом в такую сеть являются эмпирические системы с отношениями, выходом — один или несколько социальных индикаторов либо сложный социальный индикатор в форме вектора, матрицы. В отдельных случаях социальным индикатором может быть объявлена вся конструкция, начиная от определений в рамках первичного измерения.

Каждый раз, как мы видели, социальный индикатор получается как результат переработки информации в достаточно ясно и полно определенной системе шкал, где описан каждый переход от одной шкалы (множества шкал) к другой (их множеству). Возможно, такую сеть шкал вместе с заключительной, в которой исчисляется выходное оценочное значение, и имеет смысл называть социальным индикатором.

Продемонстрируем одну из обсуждаемых трудностей на том же примере с результирующими процессами.

Заметим, что в оценке безработицы в области одной из эмпирических систем с отношениями мы должны иметь безработных. Причем, если речь идет о каких-то межрегиональных (или межстрановых) сравнениях, эти области должны быть изоморфными, т. е. такими, чтобы между ними существовали взаимно однозначные соответствия. Это не означает, что во всех случаях понятие «безработный» должно быть строго одинаковым, но основные признаки для идентификации безработного должны совпадать. Расшифровать смысл такого совпадения можно только на конкретном содержательном языке. В любом случае по статистическим сведениям не удастся выделить тот контингент, для которого состояние незанятости, даже длительное, можно считать бедой. Если бы речь шла о выборочном обследовании, надо было бы разработать и применить специальные индикаторные вопросы, ответы на которые давали бы возможность судить о том, является ли безработица бедой для каждого данного респондента. При работе же со статистикой придется вначале предполагать, что все официально зарегистрированные как безработные считают свое состояние бедой. Но придется все же иметь в виду, что и помимо зарегистрированных есть действительно незанятые, кто не может длительное время найти себе работу. Они окажутся вне рассмотрения. Оценить доли тех и других, вероятно, можно экспертно или через специальные обследования. В конечном итоге, так же как и для оценки бедности, необходимо будет построить систему шкал от эмпирической системы с отношениями до некоторой конечной, в которой будет определен индикатор безработицы как показателя интенсивности этой социальной беды для индивидов или для сообщества.

Предложенное определение отвечает ранее сформулированным требованиям.

Во-первых, социальный индикатор мы определили как систему шкал, понимая под шкалами более или менее строгие объекты. Если эта система действительно представлена со всей серьезностью, она может быть и проверена и снова воспроизведена по описанию.

Во-вторых, указание на тип «выпускающей», конечной шкалы, в которой и вычисляются значения индикатора, одновременно показывает, какие именно действия могут быть предприняты над результатом. При этом формальные ограничения, вытекающие из типа шкалы, не могут превалировать над соображениями содержательного характера. Но требование сводится к тому, чтобы эти разумные соображения, например, расширяющие класс допустимых преобразований, были приведены, а не подразумевались как сами собой понимающиеся.

В-третьих, требование четкого обозначения, определения социальных бед и благ, присутствующих в какой-то одной из эмпирических систем с отношениями в самом начале системы, обеспечивает неременную связь индикатора с социальной сферой.

11. Попытки применения строгого определения для России

Вопрос ставится так: в действительности, имеет ли смысл затрачивать усилия на формирование индикатора со всеми строгостями, что от такого определения на самом деле можно выиграть? Ведь для соблюдения всех требований может не хватать информации. Может быть, стоит тогда кое-чем из строгостей и поступиться?

На такие вопросы аналитически и абстрактно отвечать очень сложно, даже невозможно. Общий, абстрактный ответ может быть только также общим и абстрактным: где и когда допустимо и возможно, лучше следовать всем требованиям строгого определения социального индикатора. Но в каждом конкретном случае необходимо специальное исследование потерь от ослабления требований. Мы приведем два примера на этот счет.

Одним из вызывающих наибольшие трудности при соблюдении является требование присутствия среди первичных шкал отдельных эмпирических систем, отображающих блага и беды. Мы продемонстрируем, к каким просчетам может привести пренебрежение этим требованием.

Пример 8. О социальной эксклюзии в Германии и в России. Несомненно, ситуация социальной эксклюзии представляет собой ситуацию социальной беды, а состояние такой эксклюзии — свидетельство переживания социальной беды индивидом (группой индивидов) [Бородкин 2000а, 2000б, 2000в; Тихонова 2003]. Поскольку я утверждаю, что в основание любого социального индикатора должно входить измерение какой-нибудь социальной беды, вполне правомерно потребовать создания адекватного индикатора социальной беды в форме социальной эксклюзии. Оказалось, что универсальный индикатор социальной эксклюзии (и, как следствие, социальной беды, а как результат — вообще никакой универсальный социальный индикатор) построен быть не может. Правомерно будет и более резкое заявление: универсальных социальных индикаторов не существует. Одним из студентов РГГУ²⁵ под моим руководством была предпринята попытка построить универсальный ин-

²⁵ Мельников А. 4-й курс социологического факультета РГГУ, 2004 г.

Социальные индикаторы — что это такое?

дикатор ситуации социальной эксклюзии на основе признаков, принятых для идентификации ситуации социальной эксклюзии в западноевропейских странах. В качестве базы были взяты признаки социальной эксклюзии, принятые в Германии.

Было рассмотрено 10 наиболее важных сфер жизни, относительно которых в Германии производятся регулярные выборочные опросы по специально подобранным вопросам²⁶. В России точно таких же опросов не практикуют. Поэтому пришлось подбирать нечто более или менее подходящее из анкеты, используемой в опросах RLMS (РМЭЗ). Сопоставимые по формулировкам признаки представлены в табл. 1. При этом вынужденно нарушалось одновременно несколько требований, сформулированных выше. Во-первых, области эмпирических систем в первичных измерениях в Германии и в России, скорее всего, не совпадали по своим свойствам. Точно ответить на вопрос о совпадении, естественно, невозможно, поскольку такой ответ потребовал бы специального исследования, которое не только не предпринималось, но и не могло быть организовано. Во-вторых, RLMS не был направлен на изучение социальной эксклюзии, а потому и вопросы мониторинга не предполагали последующее построение индикаторов (шкал), нужных для измерения эксклюзии. То, что было сделано в данном случае, можно рассматривать как испытание возможности измерения социальной эксклюзии для сравнительного анализа с помощью анкеты, содержащей некоторые подходящие вопросы, но не сформированной именно для этой цели. Что же получилось?

Обратим внимание на портрет индивида, которого мы считаем весьма вероятным кандидатом на статус жертвы социальной эксклюзии в современной России в соответствии с грубой имитацией характеристики социальной эксклюзии в Германии. Этот портрет создается ответами на вопросы, содержащиеся в последнем столбце табл. 1. Мы утверждаем этим, что жертва социальной эксклюзии — индивид, не работающий не менее года, неудовлетворенный своим материальным положением, имеющий не более чем общее среднее образование, очень плохо себя чувствующий физически, не доверяющий никаким властям, не участвовавший в президентских выборах, крайне недовольный своим жильем, с низкой оценкой своих личных качеств и возможностей в современной обстановке без надежды улучшить свое положение в течение ближайшего года.

Именно таких в общероссийском мониторинге в возрасте 18—65 лет оказалось менее 1 %. Конечно же, твердо можно сказать, что набор этих характеристик не способен идентифицировать жертв социальной эксклюзии, а сами эти характеристики не описывают полно ситуации социальной эксклюзии в России. В то же время в Германии индивидов, жизнь которых проходит в условиях, представленных в столбце 3, не менее 10 %. Отсюда можно сделать лишь один вывод — ситуации социальной эксклюзии в Германии и их восприятие существенно отличаются от российских. Готовые результаты наблюдений, измерений, не имевшие специальной целью межстрановой анализ социальных бед, не могут быть основанием для каких-либо аналитических выводов. Для того чтобы сравнивать интенсивность социальных бед в России и Германии, приведенные характеристики не годятся. Возможно, вывод оказался бы иным, если бы мы постарались тщательно разобраться в том, какова эмпирическая область, подвергавшаяся измерению в Германии, кто и почему именно так отвечал на поставленные вопросы, какие именно вопросы формулировались в анкете и как они интерпретировались.

²⁶ Подобные опросы являются стандартными для всех стран, входящих в OECD.

Таблица 1 **Индикаторы социальной эксклюзии в Германии и их операционализация в форме вопросов в RLMS (девятая волна, 2000 г.)**

№ п/п	Сфера	Индикатор	Вопрос из RLMS
1	2	3	4
Материально-финансовая сторона			
1	Присутствие на рынке труда	Длительная безработица (более 12 месяцев)	Есть ли работа у респондента? Ответ: нет. В каком году Вы ушли с Вашей последней работы, перестали работать? Ответ: до 1999 г.
2	Уровень жизни	Доход менее половины среднедушевого семейного дохода	Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены своим материальным положением в настоящее время? Ответ: совсем не удовлетворены
3	Уровень образования	Отсутствует квалификация (диплом)	Вы учились или учитесь где-нибудь, кроме школы? Ответ: нет
4	Жилищные условия	Менее одной комнаты на человека	
5	Состояние микрорайона проживания	Плохие, небезопасные условия жизни	
Социальная сторона			
6	Социальные связи	Физические ограничения на общение с людьми	Скажите, пожалуйста, как Вы оцениваете Ваше здоровье? Ответ: совсем плохое.
7	Отношение к политике	Апатия, неучастие в выборах	Каким властям Вы доверяете больше, а каким меньше? Ответ: одинаково не доверяю местным и центральным властям. 26 марта этого года состоялись выборы Президента России. Скажите, Вы участвовали в этих выборах? Ответ: нет
Психологическая сторона			
8	Длительность пребывания в состоянии неудовлетворенности	Жилищные условия ухудшились последние пять лет	Если сравнить то, как Вы и Ваша семья жили пять лет назад, с тем, как Вы живете сейчас, изменилось ли положение и как? Ответ: жили намного лучше
9	Аномия	Чувство одиночества, ощущение, что жизнь слишком тяжела	А такое высказывание — оно про Вас или не про Вас: «Мне кажется, что у меня мало таких качество, которые ценятся в сегодняшней экономической ситуации»? Ответ: это точно про меня. Как Вы считаете, Вы сами можете что-то изменить в своей жизни к лучшему? Ответ: нет
10	Беспокойство	Тревожные мысли, депрессия	Насколько Вас беспокоит то, что Вы не сможете обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев? Ответ: очень беспокоит

Социальные индикаторы — что это такое?

Однако напомним, что жертва социальной эксклюзии — индивид, который сам себя видит такой жертвой, ведет себя как жертва, но не обязательно живет в реальной ситуации социальной эксклюзии, т. е. в ситуации, когда он действительно хочет, но не может реализовать свои социальные права. Доля жертв социальной эксклюзии в населении может служить индикатором потенциала социальной напряженности. Для измерения такого индикатора в эмпирическую область первичного измерения (в область эмпирической системы с отношениями) должны были войти все респонденты, объявляющие себя в момент обследования (опроса) бесправными. Далее среди них следовало бы отобрать с помощью специальной методики тех, кто действительно считает (а не только объявляет) себя бесправным. Этот контингент и был бы множеством жертв социальной эксклюзии в выборочной совокупности респондентов. Анализируя их характеристики можно было бы понять, что определило такое состояние этих индивидов. Не исключено, что важными оказались бы и психологические факторы, так что жертв социальной эксклюзии, живущих в условиях социальной эксклюзии, могло оказаться немного. Тогда забота о снижении уровня социальной эксклюзии должна была бы предприниматься в разных направлениях в соответствии с существованием трех групп: группа жертв социальной эксклюзии, живущих в нормальных условиях, группа жертв социальной эксклюзии, существующих в условиях социальной эксклюзии, и группа нежертв социальной эксклюзии, существующих в условиях социальной эксклюзии. Соответственно надо было бы формировать три разных индикатора и способ выявления таких индивидов. Конечно, ничего подобного в RLMS не предпринималось. До некоторой степени условно можно попытаться определить долю населения, проживающего в условиях нормативно определенных ситуациях социальной эксклюзии, и долю тех, кто в момент опроса объявил себя полностью бесправным. Последних в обследовании в рамках RLMS среди населения 18—65 лет в 2000 г. оказалось 21 %. Одновременно в том же контингенте населения нищими себя считали 9,4 %, были совершенно неудовлетворены своим материальным положением 39,8 %, своей жизнью в целом — 22,7 %, а 56,2 % считали, что самостоятельно в своей жизни ничего улучшить не могут. Поскольку в обследованиях не предпринималось объективной или нормативной оценки ситуации, в которой находились в момент опроса респонденты, ситуацию социальной эксклюзии для этих контингентов оценить невозможно. В то же время другие исследования показывают, что примерно 20 % домохозяйств можно отнести по среднему доходу к бедному слою. На этом основании можно подозревать, что почти все жертвы социальной эксклюзии по собственной оценке (считающие себя бесправными) живут в ситуации социальной эксклюзии. Правда, это все равно не дает оснований для прямого сравнения интенсивности социальной эксклюзии в России и, например, в Германии, поскольку, повторим, мы не имеем возможности без специального исследования оценивать сходство областей эмпирических систем, которые должны лежать в базе соответствующих индикаторов.

Пример 9. Социальные беды в России: межрегиональные сравнения. В противоположность приведенному случаю два года назад был сделан межрегиональный анализ социальных бед для России по результатам единообразных измерений, представленным Госкомстатом России [Бородкин, Кудрявцев 2002]²⁷. Я хочу обратиться к ре-

²⁷ При этом надо понимать, что мы не беремся как-либо оценивать эти методики. Они остаются в подробностях никому не известными.

зультатам этого анализа, чтобы акцентировать внимание на той разнице в интерпретациях, которая получается, если предпринять попытку в социальном индикаторе, в его базе, еще на уровне первичного измерения ввести учет социальных бед. В публикации, о которой идет речь, такая попытка была сделана для лучшего понимания межрегиональной разницы индекса человеческого развития. Для российских регионов впервые этот индекс был подсчитан Н.В. Зубаревич (См.: [Зубаревич <http://archive.lseptember.ru/geo/1998/geo37.htm>]). Принципиально индекс представляет собой функцию образованности, здоровья и уровня жизни населения. Эти аргументы могут измеряться разными способами, через различные статистические показатели. Для нас важно лишь то, что способ измерения одинаков для всех территорий, индекс человеческого развития представляет собой какую-то определенную монотонно возрастающую функцию этих аргументов, все величины представлены в одинаковых шкалах и формально безразмерны. Этих утверждений для целей нашей демонстрации достаточно, хотя строгая критика многое может поставить под сомнение и в этих измерениях.

Итак, в 1998 г. первая пятерка регионов России по величине индекса человеческого развития включала в себя по порядку Москву, Санкт-Петербург, Тюменскую, Мурманскую области и Республику Татарстан. Московская область заняла 45-е место. На последних пяти местах оказались (по порядку снизу) республики Тыва, Ингушетия, Марий Эл, Читинская область, Дагестан и республика Калмыкия. Разумеется, у нас не было сколько-нибудь исчерпывающей статистики даже по наиболее серьезным социальным бедам. То, что было сделано, надо рассматривать как решение чисто методической задачи в поисках ответа на вопрос о том, насколько серьезно на межрегиональный анализ успехов в социальной сфере может повлиять введение в него доктрины социальных бед. Нам была доступна статистика по немногим типам бед — отдельные виды преступности, социальные болезни и безработица среди молодежи²⁸. Был построен индекс социальных бед как монотонно возрастающая функция от интенсивности перечисленных явлений на территории региона. Наилучшие пять мест (с наименее интенсивными бедами) заняли Москва, Чукотский АО, Санкт-Петербург, Орловская и Тамбовская области. В последней пятерке оказались Архангельская, Липецкая, Сахалинская, Магаданская и Амурские области. Московская область заняла 16-е место. Пять областей, занявшие нижнюю часть списка в оценке бед, можно было бы считать кандидатами на территории, большинство жителей которых живет в ситуациях социальной эксклюзии по отношению к остальным регионам России. Между упорядочениями по индексам человеческого развития и социальных бед корреляции обнаружено не было. Упорядочения получаются совершенно разными за исключением крайних точек. Наконец, был построен обобщенный индекс как арифметическая сумма индекса развития и отрицательного значения индекса социальных бед. Мы отчетливо понимали методологическую уязвимость такого индекса. Надо было бы создать специальную концепцию, модель развития с учетом бед, а потом уж строить такой индекс. Однако соблазн был велик. По объединенной характеристике первые пять мест заняли Москва, Санкт-Петербург, Чукотский АО, Орловская и Ульяновская области. Московская область передвинулась с 45-е на 25-е место. Последние места

²⁸ Статистика по бедам относится к 2000 г. (т. е. с запозданием на 2 года по сравнению со статистикой, на базе которой рассчитывался индекс человеческого развития). Из рассмотрения была исключена по понятным причинам Чечня.

Социальные индикаторы — что это такое?

заняли Республика Тыва, Архангельская, Сахалинская, Липецкая область, Республики Алтай и Хакасия. Заметно существенное изменение соотношений. Только первые места сохранились. Обращает на себя внимание весьма благополучное положение Чукотской АО. Вначале это у нас вызвало удивление и недоверие. Но затем мы разобрались, в чем дело, основываясь на свидетельствах побывавших там экспертов. Чукотка буквально расцвела благодаря административной и финансовой активности ее администрации и, в частности, очень деятельного молодого губернатора.

Литература

- Бородин Ф.М.* Третий сектор против социальной эксклюзии // Преодоление. Материалы Международной весенней школы «Социальные эксклюзии в переходном обществе: пути преодоления». Новосибирск: Сиб-Ново-Центр, 2000.
- Бородин Ф.М.* Нормативно-правовая база выявления социальных эксклюзий и участия в их преодолении организаций Третьего сектора // Преодоление. Материалы Международной весенней школы «Социальные эксклюзии в переходном обществе: пути преодоления». Новосибирск: Сиб-Ново-Центр, 2000.
- Бородин Ф.М.* Социальные эксклюзии // Социологический журнал. 2000. № 3/4.
- Бородин Ф.М., Кудрявцев А.* Человеческое развитие и человеческие беды // Мир России. 2002. № 4.
- Егоршин А. П.* Концепция стратегического развития региона // Народонаселение. М., январь-март 2001. №1.
- Елисеева, И.И., Юзбашев М.М.* Общая теория статистики. М.: Финансы и статистика, 2001.
- Ершова Т.В.* Основы бинарной экономики, http://www.sor.volsu.ru/journal/TEST/EJ_1/4.pdf.
- Захаров С.В.* Когортный анализ смертности населения России (долгосрочные и краткосрочные эффекты неравенства поколений перед лицом смерти), http://www.demoscope.ru/statia/zacharov/zachar_rus.html.
- Зубаревич Н.В.* Индекс развития человеческого потенциала регионов России, <http://archive.lseptember.ru/geo/1998/geo37.htm>.
- Индикаторы социальной справедливости, США <http://www.socialindicators.org/index.html>.
- Коссов В.В.* Динамика качества жизни в субъектах Российской Федерации и направленность социальной политики // Мир России. 2002. №2.
- Латин Н.И., Коржева Э.М., Наумова Н.Ф.* Теория и практика социального планирования. М.: Политиздат, 1975.
- Макаров В.Л.* Государство в Российской модели общества. Доклад на научном семинаре Отделения экономики и ЦЭМИ РАН «Неизвестная экономика». 1997. <http://www.cemi.rssi.ru/rus/publicat/e-pubs/d9701t/d97011.htm>.
- Можина М.А.* Признаки лишений и жизненный стандарт населения России // Распределительные отношения: доходы и потребление населения / Под ред. М.А. Мужиной. М.: ИСЭПН РАН, 2001.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка. Государственное издательство иностранных и национальных словарей. М., 1960.
- Россия в цифрах, 2003. Сборник <http://www.infostat.ru/scripts/lcinet.exe?R35.8.2>
- Сваффорд М.С, Косолапов М.С, Козырева П.М.* Всероссийский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ): измерение благосостояния россиян в 1990-е годы // Мир России. 1999. №3.
- Сиденко, А.В., Попов Г.Ю., Матвеева В.М.* Статистика. Учебник. М.: ДиС, 2000.
- Социальные индикаторы доходов и уровня жизни населения. Министерство труда и социального развития Российской Федерации. Департамент доходов населения и уровня жизни. <http://www.iet.ru/trend/2001/22.htm>

- Социальная статистика / Под ред. И.И. Елисеевой. М.: Финансы и статистика, 1999.
- Сунтес П., ЗинесДж.* Основы теории измерений // Психологические измерения. М.: Мир, 1967.
- Тихонова Н.Е.* Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. 2003. №1.
- ТощенкоЖ.Т.* Социальное планирование. Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1971.
- Ценев В.* Теория человеческих потребностей Уильяма Тэлли (часть 1). www.psyberia.ru/mindterritory/tally00.
- Ценев В.* Теория человеческих потребностей Уильяма Тэлли (часть 2). www.psyberia.ru/mindterritory/tally01.
- Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1975.
- Aiken M.* Reflexive Modernisation and the Social Economy. Gflhtc <http://www.sussex.ac.uk/Units/SPT/journal/archive/pdf/issue2-1.pdf>.
- America's Children: Key National Indicators of Well-Being, 2000. <http://www.nichd.nih.gov/publications/pubs/americaschildren2000.PDF>.
- Biderman A.D.* Anticipatory Studies and Stand-by Research Capability // Social Indicators / Bauer R.A. (ed.). Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1966.
- Boeree C.G.* Abraham Maslow (1908—1970). Biography. <http://www.ship.edu/~cgboeree/maslow.html>.
- Britton N.R.* Ph.D Managing Community Risks. Emergency Management Policy & Establishment Unit. Ministry of Civil Defence Wellington, NEW ZEALAND. [http://www.mem.govt.nz/memwebsite.nsf/Files/ManagingCommunityRisks/\\$file/ManagingCommunityRisks.pdf](http://www.mem.govt.nz/memwebsite.nsf/Files/ManagingCommunityRisks/$file/ManagingCommunityRisks.pdf).
- Cohen W.B.* Social Indicators: Statistics for Public Policy // The American Statistician, 22 October 1968.
- Collins.* Словарь по экономике. СПб.: Экономическая школа, 1998.
- Coram A.* Social Choice Over Production of Collective Bads with Inequalities in the Distribution of Wealth. University of Western Australia, <http://www.psa.ac.uk/cps/2002/coram.pdf>.
- Erikssonand C, Fiere Z.* Public and Private Bads in a Growth Model with Increasing Population. 2003. https://www.gruponahise.com/eaere2003/PAPER_7/7G_3ERIK.pdf.
- European Commission. Directorate-General Information Society. Statistical Office of the European Communities. Statistical Indicators for the New Economy (SINE). 2000. <http://europa.eu.int/en/comm/eurostat/research/ret/d/sine5th.pdf>.
- Gamarnikow E., Green A.* Social Capital and the Educated Citizen, http://www.see-educoop.net/education_in/pdf/soc_cap_and_educ_citi-oth-enl-t07.pdf.
- Fukuyama F.* Social Capital and Development. The Coming Agenda. SAIS Review vol. XXII no. 1 (Winter—Spring 2002) <http://www.saisreview.org/Fukuyama.pdf>.
- Handbook of Mathematical Psychology / Ed. by R.D. Luce, R.R. Bush and E. Galanter. Vol. 1. N.-Y. and L.: John Wiley and Sons, 1963.
- Hauser P.M.* Social Statistics in USE. N.-Y.: Russell Sage, 1975.
- Horn R. V.* From Social Statistics to Social Indicators // Australian Journal of Statistics. 1978. Vol. 20. No. 2.
- Horn R. V.* Social Indicators: Meaning, Methods & Applications MCB Publications Limited: Management & Economics West Yorkshire. England, 1980.
- Indicators and Information Systems for Sustainable Development/ <http://www.nssd.net/references/SDInd/Donella.html#pagetop>.
- Kravis I.B., et al.* U.N. International Comparison Project. Baltimore: Johns Hopkins, 1978.
- Real G.D.P. per Capita // Economic Journal. Vol. 88. June 1978.
- George Elton Mayo's Hawthorne Experiment. http://www.accel-team.com/motivation/hawthorne_02.html.
- Kurland N.G., Greaney M.D., Brohawn D.K.* The Third Way: A New Vision for Providing Hope, Justice and Economic Empowerment. 1998. <http://www.cesj.org/thirdway/paradigmpapers/pressclub-nkmgdb-prr.htm>.

Социальные индикаторы — что это такое?

- Land K.C.* Theories, Models & Indicators of Social Change // International Social Science Journal. 1975. No. 1.
- Martin J.P., Pearson M.* OECD Social Indicators: A Broad Approach towards Social Reporting. Directorate for Education, Employment, Labour and Social Affairs, Organisation for Cooperation and Development (OECD), Paris, 2002. http://www.statistik.admin.ch/events/symposium/abstracts/martin_internet.pdf
- Nonmedical Determinants of Healthy, Canada <http://www.statcan.ca/english/freepub/82-221-XIE/00502/defin2.htm>.
- OECD Social Indicator Development Programme; Paris, OECD: List of Social Concerns Common to Most OECD Countries, 1973
- Rice S.* Social Accounting & Statistics // Public Administration Review. 1967. Vol. 27.
- Sharpe A.* A Survey of Indicators of Economic and Social Well-being. Background Paper prepared for Canadian Policy Research Networks. Ottawa, 1999. www.csls.ca/reports/paper3a.pdf.
- Social Indicators / Bauer R.A. (ed.). Cambridge: MIT., 1966.
- Statistical Indicators for the New Economy. 2000 <http://europa.eu.int/en/comm/eurostat/research/retd/sine5th.pdf>.
- United Nations Handbook on Social Indicators — Studies in Methods. / United Nations / New York, 1989.
- Warren M.E.* Social Capital and Corruption. (Department of Government Georgetown University, Washington) <http://www.ex.ac.uk/shipss/politics/research/socialcapital/papers/warren.doc>.